

Universiteit
Leiden
The Netherlands

Novye indoarijskie jazyki [New Indo-Aryan languages]

Zograf, G.A.; Oranskaja, T.I.; Kulikov, L.I.; Pandey, P.K.; Oranskaia, T.I.; Mazurova, Yu.V.; ... ; Rusakov, A.Y.

Citation

Zograf, G. A., Oranskaja, T. I., Kulikov, L. I., & Pandey, P. K. (2011). Novye indoarijskie jazyki [New Indo-Aryan languages]. In T. I. Oranskaia, Y. V. Mazurova, A. A. Kibrik, & A. Y. Rusakov (Eds.), *Jazyki mira: Novye indoarijskie jazyki [Languages of the World: New Indo-Aryan languages]* (pp. 14-46). Moscow: Academia. Retrieved from <https://hdl.handle.net/1887/18511>

Version: Not Applicable (or Unknown)

License: [Leiden University Non-exclusive license](#)

Downloaded from: <https://hdl.handle.net/1887/18511>

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

*Новые индоарийские
языки*

Москва
2011

УДК 811.1
ББК 81.2.3.
И 60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты №№ 03-04-00247а, 07-04-00140а, 11-04-16098д)
и Минобрнауки РФ (государственный контракт № 02.740.11.0595)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Главный редактор издания «Языки мира» — *А.А. Кибрик*
Группа «Языки мира»: *О.И. Беляев, В.Ю. Гусев, Ю.Б. Коряков, Ю.В. Мазурова,*
Е.Б. Маркус, Н.В. Рогова, О.И. Романова

Языки мира: Новые индоарийские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков. — М.: Academia, 2011. — 896 с.

Очередной том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН, посвящен новым индоарийским языкам, входящим (наряду с мертвыми языками) в индоарийскую группу индоевропейской языковой семьи. Основная область распространения этих языков — страны Южной Азии: Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка и Мальдивская Республика. Том включает также раздел об индоарийских по происхождению цыганских языках и диалектах, отделившихся от основного индоарийского ареала. В данный том, помимо описаний крупных языков, включены очерки о малых индоарийских языках и диалектах, в том числе бесписьменных и вымирающих; описания некоторых из них публикуются здесь впервые. Статьи написаны в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Она обеспечивает сопоставимость структурных характеристик различных языков и включает также социолингвистические сведения. Статья о письменностях индоарийских языков и языковые карты являются важным дополнением к грамматической информации. Том представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся индоарийскими языками.

ISBN 978-5-87444-394-8

Languages of the World: New Indo-Aryan Languages. Edited by Tatiana I. Oranskaia, Yulia V. Mazurova, Andrej A. Kibrik, Leonid I. Kulikov, Aleksandr Y. Rusakov. — Moscow: Academia, 2011. — 896 pp.

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This volume is dedicated to the New Indo-Aryan languages which, along with their now extinct relatives, comprise the Indo-Aryan group of the Indo-European language family. These languages are primarily spoken throughout South Asia, including India, Bangladesh, Pakistan, Nepal, Bhutan, Sri Lanka, and the Maldives. The volume also includes information about the languages and dialects that separated from the main Indo-Aryan area, particularly Romani. Apart from the descriptions of the major Indo-Aryan languages, this volume also contains information on many minor languages and dialects of the region, including unwritten and endangered languages. Systematic grammatical descriptions of some of these are published here for the first time. Each essay follows the typologically oriented template maintained throughout the “Languages of the World” series. This template imposes a uniform sociolinguistic and synchronic structural characterization upon the individual languages and thereby ensures the comparability of the descriptions of the different languages. This volume also contains an article on the writing systems used for these languages and a set of language maps. The volume is intended both as a fundamental linguistic study and as a reference source. It is addressed to a wide audience of linguists of various specializations, historians, cultural anthropologists, teachers and students, and all those interested in Indo-Aryan languages.

© Институт языкознания РАН, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	9
Предисловие	11
<i>Г.А. Зиграф, Т.И. Оранская, Л.И. Куликов, П. Пандей.</i>	
Новые индоарийские языки	14

Центральные индоарийские языки

<i>Г.А. Зиграф, Т.И. Оранская.</i> Хинди язык	47
<i>А.И. Коган.</i> Авадхи язык	105
<i>А.И. Коган.</i> Брадж язык	119
<i>Г.А. Зиграф, Ю.В. Мазурова.</i> Урду язык	131
<i>Г.А. Зиграф.</i> Раджастхани язык	139
<i>Д. Краса.</i> Банджари/ламбади язык	146
<i>М. Вайнрайх.</i> Домааки язык	165

Языки пахари

<i>К.П. Цоллер.</i> Пахари языки	195
<i>К.П. Цоллер.</i> Бангани язык	219
<i>Г.А. Зиграф, Ю.В. Мазурова.</i> Непальский язык	262
<i>Б. Прасайн, Т. Поудел, Й.П. Ядав.</i> Боте язык	282
<i>Бх. Бхандари, Г. Банджаде, Й.П. Ядав.</i> Данувар язык	291
<i>Д.Н. Дхакал, Й.П. Ядав.</i> Дарай язык	299
<i>Бх.Л. Гаутам, К.П. Параджули, Й.П. Ядав.</i> Кумал язык	305
<i>Бх. Бхандари, М.К. Чаудхари.</i> Тхару язык	310

Языки бихари

<i>Г.А. Зиграф.</i> Бихари языки	317
<i>Й.П. Ядав.</i> Майтхили язык	322
<i>М. Варма.</i> Бходжпури язык	335
<i>Ш. Варма.</i> Магахи язык	351
<i>С. Киран, Дж. Петерсон.</i> Садани/садри язык	367

Восточные индоарийские языки

<i>Г.А. Зиграф.</i> Ассамский язык	380
<i>Ш. Маханта.</i> Ассамские диалекты	392
<i>Г.А. Зиграф, Е.Р. Крючкова, Ю.В. Мазурова.</i> Бенгальский язык	396
<i>М. Тулмин.</i> Раджбанши/камта язык (в Индии и Бангладеш)	429
<i>Т. Поудел, Й.П. Ядав.</i> Раджбанши язык (в Непале)	439
<i>Г.А. Зиграф.</i> Ория язык	446

Северо-западные индоарийские языки

<i>Л.В. Хохлова.</i> Панджаби язык	456
<i>А.И. Коган.</i> Потхохари язык.....	516
<i>Х. Рехман, М.А. Робинсон.</i> Хиндко язык.....	527
<i>Г.А. Зограф, А.И. Коган.</i> Синдхи язык	537
<i>Г.А. Зограф, Т.И. Оранская.</i> Парья язык.....	559

Юго-западные индоарийские языки

<i>П.Дж. Мистри.</i> Гуджарати язык	565
<i>Я.Р. Смит.</i> Саураштра язык.....	584
<i>Г.А. Зограф, Н.Г. Краснодембская.</i> Маратхи язык	596
<i>Дж. Петерсон.</i> Конкани язык.....	616

Островные индоарийские языки

<i>Н.Г. Краснодембская.</i> Сингальский язык	638
<i>Л.И. Куликов.</i> Мальдивский/дивехи язык	662

Цыганские языки

<i>А.Ю. Русаков.</i> Цыганский язык (цыганские диалекты Европы).....	680
<i>Я. Матрас.</i> Домари язык.....	775
<i>В.С. Восканян.</i> Ломаврэн язык.....	811
<i>Ю.Б. Коряков.</i> Письменности новых индоарийских языков.....	819
Авторский коллектив.....	851
Принятые сокращения	854
Список типичных аналитических глагольных структур новых индоарийских языков.....	857
Указатель названий индоарийских языков и диалектов.....	859
<i>Приложение:</i> Типовые схемы статей	886
<i>Ю.Б. Коряков.</i> Карты индоарийских языков и диалектов	888

CONTENTS

About the publication "Languages of the World"	9
Preface.....	11
<i>G.A. Zograph, T.I. Oranskaia, L.I. Kulikov, P.K. Pandey.</i> The New Indo-Aryan Languages.....	14
Central Indo-Aryan languages	
<i>G.A. Zograph, T.I. Oranskaia.</i> Hindi	47
<i>A.I. Kogan.</i> Awadhi.....	105
<i>A.I. Kogan.</i> Braj	119
<i>G.A. Zograph, Yu.V. Mazurova.</i> Urdu.....	131
<i>G.A. Zograph.</i> Rajasthani.....	139
<i>D. Krasa.</i> Banjari/Lambadi	146
<i>M. Weinreich.</i> Domaaki	165
Pahari languages	
<i>C.P. Zoller.</i> Pahari.....	195
<i>C.P. Zoller.</i> Bangani.....	219
<i>G.A. Zograph, Yu.V. Mazurova.</i> Nepali	262
<i>B. Prasain, T. Poudel, Y.P. Yadava.</i> Bote	282
<i>Bh. Bhandari, G. Banjade, Y.P. Yadava.</i> Danuwar	291
<i>D.N. Dhakal, Y.P. Yadava.</i> Darai	299
<i>Bh.L. Gautam, K.P. Parajuli, Y.P. Yadava.</i> Kumal	305
<i>Bh. Bhandari, M.K. Chaudhari.</i> Tharu	310
Bihari languages	
<i>G.A. Zograph.</i> Bihari.....	317
<i>Y.P. Yadava.</i> Maithili	322
<i>M. Verma.</i> Bhojpuri.....	335
<i>Sh. Verma.</i> Magahi.....	351
<i>S. Kiran, J. Peterson.</i> Sadani/Sadri	367
Eastern Indo-Aryan languages	
<i>G.A. Zograph.</i> Assamese.....	380
<i>Sh. Mahanta.</i> Assamese dialects	392
<i>G.A. Zograph, E.R. Kryuchkova, Yu.V. Mazurova.</i> Bengali	396
<i>M. Toulmin.</i> Rajbanshi/Kamta (in India and Bangladesh)	429
<i>T. Poudel, Y.P. Yadava.</i> Rajbanshi (in Nepal)	439
<i>G.A. Zograph.</i> Oriya.....	446

North-Western Indo-Aryan languages

<i>L.V. Khokhlova. Punjabi</i>	456
<i>A.I. Kogan. Pot(h)ohari</i>	516
<i>Kh. Rehman, M.A. Robinson. Hindko</i>	527
<i>G.A. Zograph, A.I. Kogan. Sindhi</i>	537
<i>G.A. Zograph, T.I. Oranskaia. Parya</i>	559

South-Western Indo-Aryan languages

<i>P.J. Mistry. Gujarati</i>	565
<i>I.R. Smith. Saurashtra</i>	584
<i>G.A. Zograph, N.G. Krasnodembskaya. Marathi</i>	596
<i>J. Peterson. Konkani</i>	616

Insular Indo-Aryan languages

<i>N.G. Krasnodembskaya. Sinhala</i>	638
<i>L.I. Kulikov. Maldivian/Dhivehi</i>	662

Romani and other separated Indo-Aryan languages

<i>A.Yu. Rusakov. Romani (Romani dialects of Europe)</i>	680
<i>Ya. Matras. Domari</i>	775
<i>V.S. Voskanyan. Lomavren</i>	811
<i>Yu.B. Koryakov. Writing systems of the New Indo-Aryan languages</i>	819
Authors	851
Abbreviations	854
List of analytical forms of the New Indo-Aryan languages	857
Index of New Indo-Aryan languages and dialects	859
<i>Appendix: Templates</i>	886
<i>Yu.B. Koryakov. Maps of New Indo-Aryan languages and dialects</i>	888

Г.А. Зограф, Т.И. Оранская, Л.И. Куликов, П. Пандей

НОВЫЕ ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Название новые индоарийские или новоиндоарийские (англ. *New Indo-Aryan*, нем. *neuindoarische*, франц. *indo-aryenne*) языки отражает три характеристики этой группы: хронологически новые противопоставлены древним и средним индоарийским языкам; слово «арийские» (от др.-инд. *árya*, др.-иран. *airya* 'благородный') объединяет их с иранскими языками, вместе с которыми индоарийские языки образуют индоиранскую ветвь индоевропейской языковой семьи; наконец, «индо-» определяет основную область их распространения — Индийский субконтинент. Дардские языки, которым вместе с нуристанскими языками в серии «Языки мира» был посвящен отдельный том, не включены в настоящее описание. Настоящий том следует как по содержанию, так и по времени публикации за томом «Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (2004 г.), все статьи в котором (за исключением статьи о письменности) были написаны выдающимся индологом и лингвистом Татьяной Яковлевной Елизаренковой (1929–2007).

2. Основная область распространения новых индоарийских языков (Н.и.я.) — Индийский субконтинент. Этот регион, определяемый геополитически как Южная Азия, включает Индию, Бангладеш, Пакистан, Непал, Бутан, Шри-Ланку и Мальдивскую Республику. Афганистан также относится к Южной Азии со времени его вступления в 2007 г. в Южноазиатскую ассоциацию регионального сотрудничества, но основные языки в этой стране — иранские. На Н.и.я. (например, хиндко) в Афганистане говорит незначительное число этнических меньшинств; часть населения, преимущественно мужчины, владеет урду.

Отдельные, крайне малочисленные группы носителей Н.и.я. оказались в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, очевидно, еще в Средневековье. Однако широкое распространение этих языков по всему миру началось в XIX в., преимущественно в результате трудовой миграции. Индийцы, которых вывозили чаще всего принудительно, для работы на плантациях в английских, французских, голландских и португальских колониях, принесли свои языки в Юго-Восточную Азию, Африку, Южную Америку, в Меланезию, на Маккаренские и Антильские о-ва. Географическое распределение Н.и.я. за пределами Индийского субконтинента в определенной мере отражает место происхождения и характер деятельности ранних эмигрантов. Так, бходжпури, относящийся к подгруппе бихари, был преимущественно языком рабочих на плантациях (например, Маврикий, Гайана, Суринам); на гуджарати (например, Южная и Западная Африка) говорил в основном торговый люд; панджаби в истории Сингапура связан со служившими там индийскими солдатами, главным образом сикхами. Языки колониальной миграции, разумеется, подверглись изменениям, но до сих пор сохранились. Н.и.я. являются также основой некоторых креольских языков (например, креол морисьен на Маврикии) и пиджинов (например, фиджийский пиджин).

Особенно интенсивной стала эмиграция из Южной Азии, в первую очередь из Индии, в последние десятилетия XX в. Ее основные направления определяются языковым наследием колониального периода: принимающими странами являются главным образом англоязычные Великобритания, США и Австралия. Растет число говорящих на Н.и.я. и в континентальной Европе.

В южноазиатских диаспорах ведется активная деятельность, направленная на сохранение родных языков. Этой цели служат радио- и телеканалы, газеты и журналы на Н.и.я. Культурные ассоциации эмигрантов из Южной Азии организуют для детей из южноазиатских семей занятия по изучению языка страны их предков. Культурные ассоциации нередко организованы по языковому признаку, сопряженному с культурной, а для некоторых языков, как, например, панджаби или урду, и с религиозной принадлежностью. Между диаспорой и странами исхода поддерживаются тесные связи.

Почти все Н.и.я. сформировались на основной территории их сегодняшнего бытования, в северной и срединной части Индийского субконтинента. Здесь, от Гималайских предгорий почти до середины Деканского плоскогорья (16° с. ш. на западе и 18° с. ш. на востоке), сплошным массивом, лишь местами разрываемым небольшими вкраплениями дравидийских, тибето-бирманских (сино-тибетская семья) и мунда (австроазиатская семья) языков, представлена наиболее значительная подгруппа индоарийских языков — североиндийская. В нее входят 13 литературных языков официального статуса (хинди, урду, панджаби/пенджабский, синдхи, непали/непальский, догри, маратхи, конкани, гуджарати/гуджаратский, майтхили, бенгали/бенгальский, ория, ассам/ассамский) и около 500 средних и малых языков и диалектов, частью подводимых под перечисленные выше языки, а частью объединяемых по геолингвистическим признакам в отдельные группы, среди которых наиболее значительны бихари, раджастхани, пахари и лахнда/ленди (западный панджаби). Цифра 500 достаточно условна, как условна (и, добавим, разноречива и неравномерно для разных районов ареала изучена) сама стратификация форм речевого общения, представляющих здесь диалектно-языковой континуум. Соответственно, когда речь идет о идиомах, не имеющих статуса официального или литературного языка, особенно о малых, термины «язык» и «диалект» употребляются в настоящем томе, в том числе в названиях статей, также условно, повторяя то определение идиома в отношении этих категорий, которое обычно используется в научной литературе.

К северному новоиндоарийскому континууму географически примыкают малые Н.и.я. и диалекты, бытующие на территории Афганистана, а также дардские языки. В Таджикистане и Узбекистане бытует язык парья. В Среднюю Азию его носители пришли в XIX в. из Афганистана, где, возможно, осталась часть этой этнической группы.

Значительно дальше, как географически, так и по лингвистическим признакам, отстоят от Н.и.я., существующих в Южной Азии в настоящее время, цыганские языки. Группы их носителей, вероятно, мигрировали в последние века I тыс. н. э. из западных районов Индийского субконтинента и шли разными путями, которые привели большинство из них в Европу, где в основном и распространены сейчас цыганские языки и диалекты. В других частях света, главным образом в Америке, носители цыганских языков оказались в результате поздней миграции из Европы.

В островных государствах Южной Азии основными официальными Н.и.я. являются сингальский язык на Шри-Ланке и мальдивский язык, или дивехи, в Мальдивской Республике. Последний, распространенный также на о-ве Миникой в группе Лаккадивских о-вов (Индия), генетически тесно связан с сингальским.

Н.и.я. формируются с начала II тыс. н. э. в процессе структурных преобразований средних индоарийских языков путем последовательного расщепления в XI–XV вв. ранее существовавших языковых общностей (см. 5.). Для Н.и.я. весьма существенны их ареальные характеристики: они входят в южноазиатский языковой союз вместе с дравидийскими, сино-тибетскими и австроазиатскими языками, черты которых проявляются в подгруппах Н.и.я. как субстратные. Взаимодействие между этими языками и Н.и.я. продолжается и поныне, сказываясь наиболее очевидно на идиомах, находящихся на границах индоарийского языкового континуума.

3. Согласно оценке на 2001 г., число говорящих на Н.и.я. составляло примерно один миллиард человек. Эта оценка основана на переписях населения 2001 г., а для тех стран, где перепись в указанном году не проводилась, — на данных более ранних переписей. Подавляющее большинство составляют носители североиндийских языков — 97%, сингальского — 1,5%, цыганского — примерно 1% (статистических данных нет; существующие оценки колеблются между 2,5 и 8 млн.). Среднегодовой прирост населения в Южной Азии составил в последнее десятилетие (2001–2011) примерно 1,6% (ср. данные, опубликованные на сайтах <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2002.html> и <http://censusindia.gov.in/2011-common/censusdataonline.html>), что дает основания для весьма приблизительной оценки числа говорящих на сегодняшний день в 1,17 млрд. чел., включая носителей Н.и.я. за пределами субконтинента.

До периода европейской колониальной экспансии индоарийские языки занимали крайнее южное и крайнее восточное положение по отношению к другим языкам индоевропейской семьи. Распространение английского языка в Новое и Новейшее время изменило эту геолингвистическую ситуацию. В настоящее время на Н.и.я. помимо исконной территории их обитания — Южной Азии — говорят во всех остальных частях света. Южноазиатская диаспора, история которой насчитывает уже почти два столетия, переживает период особенно бурного роста в последние десятилетия. Результатом миграций, вызванных в первую очередь экономическими причинами, стало распространение Н.и.я. и связанной с ними культуры, включая литературу и средства массовой информации, по всему миру.

Социально-политические и культурные изменения второй половины XX в. — начала XXI в. в странах Южной Азии тесно связаны с процессами глобализации, а именно с резко усилившимся политическим и экономическим давлением, оказываемым центрами современного развития цивилизации на традиционные общества. В результате перехода значительных масс молодых носителей средних и малых языков на языки более высокого статуса происходят существенные изменения социолингвистической ситуации в этом регионе и, как следствие, в языковой структуре многих Н.и.я. В первую очередь процессом разложения вследствие смешения с доминирующими языками затронута, естественно, лексика, однако Н.и.я. претерпевают изменения и на других уровнях системы. Три высших ступени с точки зрения престижности языка представлены соответственно 1) английским языком, находящимся, несмотря на относительную малочисленность

населения, владеющего им как родным, на вершине социально-языковой пирамиды, так как он дает доступ к лучшему образованию и более широким экономическим возможностям; 2) государственными/национальными языками на национальном уровне; 3) официальными языками провинций/штатов на субнациональном уровне.

Статус языка зависит от числа его носителей по отношению к общей численности населения страны, а также от его культурного значения в настоящем и прошлом. Эти факторы, в значительной мере определяющие этнополитическое сознание его носителей, сказываются на языковой и образовательной политике государств, их геоадминистративной структуре, а в обратном направлении — от политики к языку — на номенклатуре языковых единиц. В результате деятельности социально-политических и культурных национальных движений, особенно активизировавшихся с конца XX в., ряд идиомов получили официальный статус языков. Так, вместо 18 языков, которые значились в Восьмом списке Приложения к Конституции Индии между серединой 1960-х гг. и концом XX в., список официальных языков включает ныне 22 индийских (из них 15 индоарийских — санскрит и 14 новоиндоарийских, в том числе один дардский язык — кашмири), а также английский язык. Некоторые из них являются также государственными языками соседних стран (бенгальский в Бангладеш, урду в Пакистане, непальский в Непале) или официальными языками административных единиц (например, панджаби, синдхи).

Только в Индии в настоящее время еще 33 идиома претендуют на признание в качестве официальных языков. Весьма вероятно, что в результате политико-языковых движений, рассматриваемых как составная часть демократического процесса, еще ряд языков стран Южной Азии, в том числе индоарийских (например, тхару в Непале, сирайки в Пакистане), будут признаны средством административно-культурной коммуникации на субнациональном уровне.

Индоарийские языки, которые по численности говорящих определяются как средние и малые, подвержены в настоящее время особенно сильному «типологическому выравниванию» по грамматическим моделям административно и культурно доминантных языков. Этот процесс вызван не только естественным поглощением малых языков их более сильными соседями, но и, как это ни парадоксально, развитием в прямо противоположном направлении, а именно — с деятельностью определенных групп, направленной на сохранение малых идиомов. Эта деятельность отчасти связана с резко усилившимися в последние 10–15 лет центробежными тенденциями во внутренней политике, которые проявляются, например, в образовании новых штатов в Индии и в региональных движениях за культурно-политическую автономию в Индии, Непале и Пакистане. Ряд средних и малых языков и диалектов, прежде вообще не употреблявшихся в официальной коммуникации, используется теперь как средство массовой информации в пределах общностей, пользующихся этими языками (например, садри, майтхили, раджабанши, бундели и др.). Этому в значительной мере способствует распространение информационных технологий, дающих возможность публикаций в интернете и дешевого производства печатной продукции. Существование электронных вариантов всех индийских шрифтов и компьютерных программ на официальных языках стран Южной Азии позволяет использовать их для издания печатных га-

зет и журналов и — в еще большей мере — для создания страниц в интернете на языках, прежде не имевших собственной письменности. Некоторые официальные языки в традиционной графике используются в мобильных телефонах.

Благодаря новым техническим средствам и росту образовательного уровня у формирующейся «этнической» интеллигенции возникает стремление фиксировать тексты на своих языках. Для малых и средних Н.и.я. используется по большей части шрифт деванагари (например, для языков кумал, данувар), что ведет к искажениям в представлении фонологических систем. К отрицательным с лингвистической точки зрения результатам этого процесса относится выработка грамматического стандарта, ориентированного на близкородственные языки, в которых такой стандарт уже имеется (хинди, непали, маратхи и др.).

Многим Н.и.я., как и языкам других семей в Южной Азии, грозит вымирание. В первую очередь это касается малых бесписьменных языков и диалектов, не имеющих официального статуса, однако процесс распада затрагивает и литературные языки. Интенсивные изменения в лексике и грамматике Н.и.я. под влиянием доминирующих языков региона являются очевидным признаком этого процесса. Правительство Индии, самой большой страны субконтинента, на территории которой находится основная масса Н.и.я., предпринимает попытки сохранить свое языковое богатство. Речь идет, с одной стороны, о развитии языков путем повышения их культурно-социального статуса, с другой — о планомерной, но быстрой документации (включая тексты устной традиции) нестабильных и исчезающих языков, а также их реабилитации. Проекты, направленные на эту цель, включены в 11-й пятилетний план государственного развития 2007–2012 гг. (Индия сохранила пятилетки и после открытия рынка в 90-х гг. XX в.), и на них выделены средства. В числе этих проектов составление речевых баз данных хинди, бенгальского и непали, частотных словарей хинди и бенгальского в Центральном институте индийских языков в Майсуре (см. <http://www.ldcil.org/publications.aspx>), поддержка публикаций на малых языках/диалектах, а главное — деятельность, направленная на их использование как языка обучения в начальной школе и их преподавание как отдельного предмета в средней школе в районах их распространения. Эта деятельность интенсифицировалась после публикации устрашающих статистических данных, в том числе по Индии (198 нестабильных и вымирающих языков) и другим странам Южной Азии, в последнем выпуске «Атласа вымирающих языков», издаваемом организацией ЮНЕСКО (UNESCO Atlas of the World's Endangered Languages 2010). Следует отметить, что значительное число Н.и.я. языков, которым грозит исчезновение, в этом атласе не учтено, например, ангика, бхили, качххи, кхандеши, бундели, раджбанши и многие другие. При подготовке 12-го пятилетнего плана Индии (2012–2017) предусматривается необходимость более активно и последовательно продолжать деятельность по сохранению и возрождению языков. Исчезновение грозит и Н.и.я., бытующим за пределами Индийского субконтинента (парья, цыганские диалекты). К сожалению, современные социокультурные и — что еще важнее — экономические условия дают мало поводов для оптимизма: вероятность того, что малые Н.и.я. сохранятся в XXII в., невелика.

4. Генеалогической — в строгом смысле термина — классификации Н.и.я. нет и, очевидно, быть не может, поскольку почти все Н.и.я. (за исключением языков

небольших групп, мигрировавших за пределы Южной Азии) всегда существовали в соседстве друг с другом. При отсутствии затрудняющих контакты географических препятствий постоянное взаимодействие между ними никогда не прекращалось, и в засвидетельствованный исторический период в основной области распространения Н.и.я. наряду с дивергентными шли и встречные, конвергентные процессы, наиболее заметные в центральной части этой области. Помимо географического смещения языков картину родственных отношений между ними затемняют, хотя и в меньшей степени, заимствования из более ранних языковых слоев, стимулируемые преемственностью культуры. Древнеиндийские грамматические и лексические элементы постоянно вовлекались и продолжают вовлекаться в новые средства языкового выражения.

Все классификации Н.и.я. опираются в первую очередь на структурные признаки, которые соотносятся с географическим распределением членов этой языковой группы на территории Южной Азии. Это соотношение наглядно представлено в исследовании К. Масики: классификационные схемы языков наложены на упрощенный до геометрических форм абрис Индийского субконтинента. В классификациях выделяется от четырех до пяти подгрупп Н.и.я., в каждой из которых есть «стержневые» языки, относимые во всех классификациях (за исключением классификации Г.А. Зографа) к одной и той же подгруппе: северо-западные — лахнда и синдхи; восточные — ассамский, бенгальский и ория; южные — маратхи (включая конкани) и сингальский (включая мальдивский); устойчивый член центральной подгруппы — западный хинди. Остальные языки в зависимости от классификации могут относиться к разным подгруппам, непременно, однако, соседствующим географически. Так, например, в разных классификациях панджаби перемещается из центральной в северо-западную подгруппу; языки пахари либо выделяются в отдельную северную подгруппу, либо причисляются к центральным или к северозападным языкам и т. д. Следует отметить, что смешение структурных признаков отличает, как в случае с панджаби, даже крупные языки, имеющие литературную норму, не говоря уже о малых, а тем более бесписьменных языках.

Из ранних попыток представить отношения между Н.и.я. как генеалогическое древо следует упомянуть классификацию Р. Хёрнле (1880), в основу которой легла идея о двух последовательных волнах арийской миграции в Индию. Классификация Дж. Гирсона в «Обзоре языков Индии» (*Linguistic Survey of India*, 1903–1928) тоже основана на этом тезисе, но Дж. Гирсон, развив идею своего предшественника, разделил Н.и.я. не на две, а на три ветви: внешнюю (языки, связанные с первопришельцами) и внутреннюю (языки, восходящие к речи второй волны ариев, «раздвинувших» первопришельцев и оттеснивших их на окраины ареала) с промежуточной между ними. Эта классификация в упрощенном виде, соотнесенная со схематически представленными географическими очертаниями Индийского субконтинента, заимствована, как и следующая за ней классификационная схема, на основании работ Р.Л. Тёрнера, из монографии К. Масики (1991).

Схема на основе классификации
Дж. Гирсона в «Обзоре языков Индии»

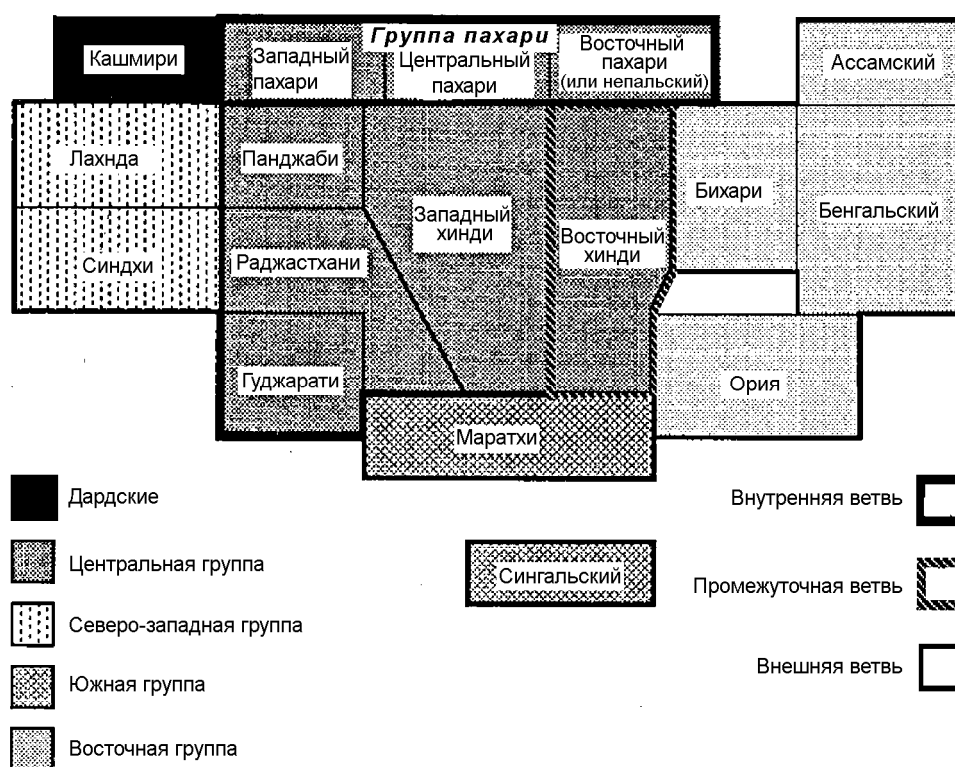
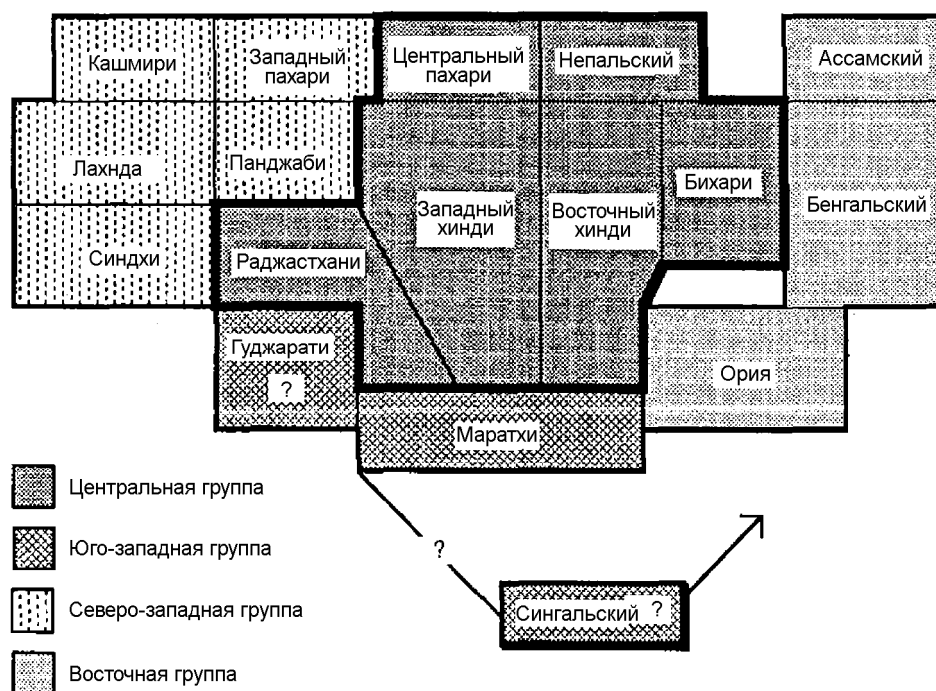

Схема на основе реконструированной К. Масикой классификации Р. Л. Тёрнера:

Нужно отметить, что выделение «внутренних» и «внешних» языков, от которого первым отказался, очевидно, С.К. Чаттерджи (1926), не было признано и последующими исследователями (Р.Л. Тернер, Ж. Блок, Д. Паттанаяк, Г.А. Зограф). Тем не менее идея бинарного членения в генеалогии Н.и.я. и в наши дни не полностью отвергнута и нашла продолжение в недавних исследованиях Ф. Саутворта.

Классификация Г.А. Зографа (1976), учитывающая только морфологические и морфосинтаксические признаки, исключает генеалогический подход. Однако представленные в ней соотношения между структурными характеристиками Н.и.я. могут быть, очевидно, проецированы на диахроническую ось. Эта морфологическая классификация отчасти сходна с классификациями Р. Хёрнле и Дж. Гирсона, но на ее верхнем уровне противопоставляются не внешняя и внутренняя ветви, а «западный» и «восточный» типы североиндийских Н.и.я.; цыганский и сингальский (к которому редакция добавила мальдивский) вынесены за пределы основной классификационной схемы. Такое графическое представление, соответствующее географической отдаленности этих двух языков от прочих Н.и.я., отражает их обособленность по морфосинтаксическим характеристикам. На следующем уровне выделяются четыре группы: западные, центральные, переходные и восточные языки. Из них две первые группы относятся к «западному»

типу, восточные языки — к «восточному», а переходные языки занимают, соответственно, промежуточное положение между двумя типами.

Ниже приведена схема, отражающая морфологическую классификацию Г.А. Зографа.

Северноиндийские языки			
I («западный») тип			II («восточный») тип
Западные	Центральные	Переходные	Восточные
синдхи (лахнда) конкани маратхи	панджаби хинди (с западными диалектами) раджастхани гуджарати	восточные диалекты хинди языки Бихара непальский	ория бенгальский ассамский

цыганский

сингальский и мальдивский

Сходную классификацию, из которой, однако, исключена «переходная» группа, предложил Дж. Кардона.

Выбрать из этого множества классификаций одну, которая была бы принята всеми или хотя бы большинством авторов тома, невозможно. Разработка новой классификации (если исходить из того, что генеалогическая классификация принципиально возможна) — задача, которая в настоящей статье не ставится. По этой причине классификационная принадлежность языков, описываемых в отдельных статьях тома, определяется в зависимости от точки зрения авторов статей.

5. Расчленение северноиндийских языков на подгруппы может быть отнесено к среднеиндийскому периоду их истории (середине I тыс. до н. э.), а выделение современных языков в этих подгруппах — уже к новоиндийской эпохе. Так, отделение ория от бенгальско-ассамского можно отнести к X–XII вв., разделение бенгальского и ассамского — к XV в. (по мнению С.К. Чаттерджи; ср. исследования Д.П. Паттанаяка); окончательное расчленение гуджарати и раджастхани (марвари) произошло, по мнению Л.П. Тесситори, в XVI в. Вместе с тем на современном этапе изучения истории Н.и.я. можно с большими основаниями судить об относительной хронологии их разделения, чем об абсолютной, поскольку для надежных датировок недостаточно материала.

Сингальский, генетическая соотнесенность которого с каким-либо из родственных языков на материковой части Южной Азии неясна, отделился от прочих индоарийских языков, очевидно, еще в раннесреднеиндийский период, во второй половине I тыс. до н. э. Согласно преобладающей точке зрения (например, С. Гипперт-Фриц), к этому же периоду относится начало формирования тесно связанного с ним генетически мальдивского языка.

Принято считать, что цыганские языки отделились от северноиндийских языков на ранненовоиндийском этапе развития — на рубеже I тыс. н. э.

Язык парья отделился от основного индоарийского массива, очевидно, не раньше XVII в. Он тяготеет к панджаби и раджастхани — языкам центральной группы, граничащим с северо-западными (по классификациям Дж. Гирсона и Г.А. Зографа).

6. Грамматические и лексические системы Н.и.я. сложились в результате продолжавшихся многие века изменений исходной древнеиндоарийской субстанции под влиянием чрезвычайно интенсивных языковых контактов. Многие структурные черты Н.и.я. вызваны влиянием дравидийских языков. Оно объясняется, во-первых, тем, что последние существовали на основной территории распространения древнеиндийских диалектов до прихода ариев на субконтинент и явились субстратом для древнеиндийского, а во-вторых — непрекращающимися разноуровневыми контактами между представителями двух языковых семей. Результатом явилась перестройка грамматической системы, ранние следы которой заметны уже в ведийских текстах. Среднеиндийский период характеризуется усилением тенденций, ведущих от флективного строя к агглютинативному и от синтетизма к аналитизму. В Н.и.я. смешаны элементы этих типов. Соотношение типологических характеристик в разных Н.и.я. неодинаково; грамматические явления в Н.и.я. в большей мере, чем фонологические признаки, дают основания для классификации этих языков (см. 4.).

Следует также отметить, что в некоторых Н.и.я. стандартный литературный (высокий) и разговорный (низкий) варианты настолько различаются, что многие грамматические категории таких языков выражаются двумя или более способами. Бенгальский и сингальский являются яркими примерами языков с диглоссией.

Контактное взаимодействие Н.и.я. с другими языками никогда не прекращалось, оно продолжается и в наши дни, различаясь в разные периоды происхождением и, соответственно, характеристиками взаимодействующих языков. Почти с самого начала своего существования Н.и.я. подверглись влиянию персидского и арабского языков, принесенных на Индийский субконтинент мусульманскими завоевателями. Персидские и арабские слова входят в лексический состав всех языков Южной Азии, их корни и аффиксы могут сочетаться с индоарийскими морфемами. Наиболее значительным результатом явилось возникновение урду как следствие использования арабо-персидских лексических и словообразовательных элементов в грамматических структурах.

Начиная с XIX в. Н.и.я. подвергаются влиянию английского — языка британских колонизаторов. Вопреки идеям о ведущей роли собственных языков после освобождения от колониального господства, сопровождавшим борьбу за независимость, английский сохранил свои позиции в Южной Азии. Более того, его влияние на Н.и.я. усиливается, затрагивая их в той или иной мере практически на всех уровнях системы и на всех социальных уровнях. И в этом случае возможны гетерогенные структуры на основе грамматики Н.и.я., включающие индоарийские или арабо-персидские элементы в сочетании с английскими.

Отдельные характеристики индоевропейского языка-основы, сохранившиеся в древнеиндийском лучше, чем в прочих родственных ему древних языках, продолжают существование в ряде Н.и.я. К ним относятся, в частности, оппозиция звонких аспирированных и неаспирированных смычных; фонологическое противопоставление долгих и кратких гласных; трехчленная оппозиция по грамматическому роду (в гуджарати, маратхи и конкани), а также главные принципы строения сложноподчиненных предложений.

Некоторые языковые подсистемы прошли циклическое развитие, восстановив древнеиндоарийский тип. Так, др.-инд. дифтонги *ai*, *au*, упростившиеся в среднеиндийский период, возникли в Н.и.я. вторично из соответствующих гласных, оказавшихся рядом в результате падения интервокальных звонких смычных в среднеиндийских языках; в сингальском исконные долгие гласные были утрачены, а новые возникли из последовательностей гласных. Случаем циклического развития является также вторичная именная флексия в некоторых Н.и.я. (восточная подгруппа, непали), явившаяся результатом стяжения агглютинативных падежных показателей с именем, или формирование новых падежей на основе конструкций с послелогом или сложных слов (как в сингальском и других Н.и.я.).

Большинство наследственных признаков характерно для языков, занимающих срединное положение на территории континуума новоиндоарийских языков. Очевидное объяснение этому явлению заключается в том, что конвергенция на границах языкового континуума сильнее, чем в его внутренних частях. Разумеется, эта закономерность не абсолютна, о чем свидетельствует, например, упомянутая выше трехчленная оппозиция по грамматическому роду в языках западной части субконтинента, причем два из них — маратхи и конкани — соседствуют с дравидийскими языками, не имеющими грамматического рода.

Приводимые ниже фонологические и грамматические характеристики касаются в первую очередь основного массива Н.и.я., т. е. языков, распространенных в материковой части Южной Азии.

Фонологические сведения

В области фонологии и фонетики Н.и.я. различаются в большей мере, чем в области грамматики. Именно фонетические и фонотактические различия в первую очередь являются, наряду с лексическими расхождениями, основным препятствием к межъязыковому взаимопониманию. Вместе с тем можно выделить ряд общих принципов в организации новоиндоарийских фонологических систем. Следует отметить, что фонология Н.и.я. изучена еще хуже, чем более высокие уровни языковых систем. Разнобой в описаниях поразителен: даже в одной и той же работе могут встретиться противоречащие друг другу факты. Это относится, как правило, к средней части в системах вокализма, фонологическому значению назализованности гласных, к сонорным и периферийным согласным.

В вокалических системах Н.и.я. выделяется от шести (ория) до тринадцати (сингальский) чистых гласных. Необходимо отметить, что, во-первых, количество фонем определяется для языкового стандарта в языках, таковым обладающих, а для прочих — в зависимости от диалектных данных, использованных в каждом конкретном исследовании. То же относится к назализованным гласным: число звукотипов, составляющих фонемный контраст с чистыми гласными, определяется разными исследователями по-разному даже для таких сравнительно хорошо исследованных крупных официальных языков, как хинди или панджаби. Для ряда языков нет единого мнения о трактовке количественного признака (например, конкани). Обобщая определяющие признаки, можно выделить два основных типа вокалических систем: восточную — с минимальным набором фонем, и центральную — с десятью чистыми фонемами, наиболее близкую классической древнеиндийской системе. Последняя приведена в таблице.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	i: ī: ɪ ĩ		u: ū: ʊ ǔ
Средний закрытый	e ě		o ɔ
Средний открытый	ɛ ẽ	ɐ ẽ	ɔ ɔ̃
Нижний			ɑ: ǣ:

Дифтонги редки. Маратхи, бходжпури и магахи имеют по два дифтонга — [əɪ] и [əʊ]. Сочетания гласных, относящихся к одному слогу, встречаются в ряде языков (например, кумал [sə.bəɪ] ‘все’, [dhoʊ.lək] ‘вымытый’), но из описаний неясно, являются ли они истинными дифтонгами.

В системе вокализма Н.и.я. объединяет организация гласных по четырем основным ступеням раствора (позиция ниже-среднего подъема может замещаться дифтонгами), наличие только одного гласного нижнего подъема (исключение — ассамский), неогубленность гласных переднего и среднего рядов при огубленности гласных заднего ряда, наличие в ряде языков фонологического признака назализации. Важнейшее различие заключается в противопоставлении по долготе (напряженности) — краткости (ненапряженности) «периферийных» и «центральных» гласных в языках центра и северо-запада, представляющее собой классический вариант вокализма Н.и.я. Оно утрачено в восточных языках и стирается в промежуточной зоне и на юго-западе. К числу языков, в которых отмечена нейтрализация оппозиции гласных (или некоторых из них) по количественному признаку, относятся ассамский, бенгальский, боте, гуджарати, данувар, дараи, конкани, кумал, майтхили, маратхи, ория, раджабханши и садри. Языки, где эта оппозиция присутствует, делятся на две подгруппы: те, где долгих гласных больше, чем кратких (например, хинди, урду, панджаби, синдхи, догри, лахнда), и те, в которых количество долгих и кратких одинаково или кратких больше (все остальные языки). Вокалические системы первой группы, возможно, находятся на пути нейтрализации оппозиции между долгими и краткими.

Частные отклонения в заполнении позиций системы гласных демонстрируют прежде всего ория и ассамский; возможны они в диалектных подсистемах и на западе региона. Характерная историческая изоглосса — сохранение общеиндоарийского *a, реализующегося как [e], [ʌ], или [ə] на западе и в центре, но переход его в [ɔ] или [o] на востоке (включая частично диалекты непальского и пахари). В некоторых системах (например, ория) центральный среднего подъема отсутствует, в других (например, в бенгальском) может находиться в отношении дополнительной дистрибуции с огубленным заднего ряда среднего подъема.

Почти все Н.и.я. имеют назализованные гласные. В большинстве из них противопоставление назализованный/неназализованный фонематично и охватывает, хотя и неравномерно, все гласные. В языках с симметричной системой вокализма, таких как хинди и панджаби (см. табл. выше), краткие назализованные находятся на периферии системы. В восточных языках и некоторых соседствующих с ними идиомах, таких как, например, диалекты непали, нет назализованного o.

Тенденция к назализованному произношению всех гласных, характерная, например, для бундели (один из западных диалектов хинди), резко снижает фонематичность этого признака.

В языках юго-западного и южного региона (маратхи, саураштра, бхили) назализованных гласных меньше, чем неназализованных. В некоторых языках, таких как например, кумал, боте, данувар, фонематическая назализация является, согласно описаниям, периферийным явлением.

В гуджарати отмечена смысловозначительная роль придыхательной фонации, являющейся следствием падения [h], ср. [baɪ] 'двенадцать' и [baɪ̤] 'снаружи' (< [baɪ̤eɪ]). То же явление присутствует при нормальном темпе речи и в других языках, ср. хин. [ʃeɪ] 'город' (< [ʃəɦeɪ]) и [ʃeɪ] 'тигр'. Специального графического отражения придыхательные гласные не имеют, но могут быть со значительной долей вероятности определены по наличию знака для /h/ ([ɦ]) между гласными и по их характеристикам. Падение /h/ в интервокальной позиции может вести к назализации гласного, в котором слились гласные, прежде им разделяемые, например, пар. [rãɪ̤] 'гора' < [rəɦãɪ̤].

Гласные Н.и.я. имеют многочисленные аллофоны, связанные с фонотактическими и просодическими условиями, в том числе с тоном — в языках, где тон фонологичен. Вариации сопряжены как с качественными, так и с количественными изменениями: понижение или повышение ступени подъема, передвижение по ряду, сокращение и удлинение, а также полугласный приступ перед гласными, открывающими слог (например, в бхили). Наиболее устойчивы к изменениям по степени раствора гласные самого верхнего ([i]) и самого нижнего подъема ([a]); количественные изменения затрагивают, очевидно, все гласные. В ассамском зафиксирована позиционная дифтонгизация гласных, за исключением [i].

В ряде Н.и.я. действует гармония гласных, например в конкани, майтхили. Как правило, ее действие ограничено морфологически и/или фонетически.

Представление о типичной для центральных Н.и.я. системе консонантизма дает хинди (см. таблицу на с. 27). Как и система гласных, она ближе древнеиндийской, чем прочие новоиндоарийские системы согласных.

Характерны пять основных локальных рядов, в основе каждого лежат по четыре взрывных (в палато-альвеолярном — аффрикаты), различающихся глухостью/звонкостью и непридыхательностью/придыхательностью, дополняемые фрикативными и сонорными. Индийскую специфику составляют согласные ретрофлексного ряда и аспираты.

Важнейшие расхождения проявляются в следующем:

- панджаби, догри и гуджри не имеют звонких аспират;
- в синдхи представлены звонкие инъективные, расширяющие пучки смычных до пяти членов;
- в маратхи появился шестой ряд — переднеязычных аффрикат, которые отмечены также в диалектах ория и пахари;
- в ряде восточных языков (ассамский, диалекты бенгальского — читтагонгский и майменсингский — в Бангладеш) ретрофлексные слились с зубными в альвеолярные;
- в кумал, боте и некоторых других малых языках Непала место ретрофлексных занимают, согласно имеющимся описаниям, альвеолярные (скорее всего, апикально-альвеолярные) смычные;

Согласные хинди

По способу образования				По месту образования							
				Губные		Переднеязычные			Среднеязычные	Заднеязычные	Глоттальные
				губногубные	губнозубные	зубные	ретрофлексные	палатоальвеолярные			
Шумные	Взрывные	Гл.	Непридых.	p		t	t̪			k	
			Придых.	pʰ		tʰ	t̪ʰ			kʰ	
		Зв.	Непридых.	b		d	d̪			g	
			Придых.	bʰ		dʰ	d̪ʰ			gʰ	
	Аффрикаты	Гл.	Непридых.				tʃ				
			Придых.				tʃʰ				
		Зв.	Непридых.				dʒ				
			Придых.				dʒʰ				
	Фрикативные	Гл.			(f)	s	[ʂ]	ʃ			h
		Зв.				(z)					
Сонорные	Носовые			m		n	[ɳ]		[ɳ]	[ŋ]	
	Боковые					l					
	Дрожащие и одноударные	Непридых.				ɾ	(ɽ)				
		Придых.					(ɽʰ)				
	Глайды				v				j		

Примечания: В круглых скобках даны периферийные фонемы, реализующиеся преимущественно в заимствованиях или (иногда за одним-двумя исключениями) в одном единственном фонетическом контексте; в квадратных — для удобства транслитерации — позиционные варианты фонем, имеющие графические соответствия. Фонемы, встречающиеся исключительно в заимствованиях (как правило, это арабские, персидские и древнеиндийские фонемы), в таблицу не включены. Спирант [h] обычно определяется как глоттальный. Поскольку вопрос о том, глухой он или звонкий, трактуется по-разному и фонологически несуществен, этот звукотип обозначается здесь для простоты как глухой. Лишь в отдельных случаях, когда этот признак фонетически значим, используется знак звонкого [ɦ]. Отметим, что в некоторых исследованиях спирант этого типа описывается как фарингальный [ħ].

— в ассамском среднеязычные аффрикаты перешли в переднеязычные сибиллянты;

— мальдивский — единственный из Н.и.я., в котором есть гортанная смычка (аллофон *t* и *ʂ*).

Оппозиция по признаку «дентальный/ретрофлексный» выдерживается непрерывно в языках без литературного стандарта, таких как, например, парья, бундели. Противопоставление *v* и *b*, характерное для всей западной части субконтинента (в меридиональном направлении), ослабляется начиная уже с западных диалектов хинди, в восточных языках *v* и *b* сливаются в *b*.

Частные различия касаются состава фрикативных и сонантов: в бенгальском исторические сибиллянты реализуются как [ʃ], в ассамском — как [x], тогда как зубные фрикативные являются новообразованием вследствие упрощения палатальных аффрикат ([s] < [ʃ], [ʃʰ] и [z] < [dʒ], [dʒʰ]), в маратхи и гуджарати есть и

[s], и [ʃ], в остальных — исторические сибиллянты отражены как [s]. В маратхи, а по некоторым сведениям, также в диалектах раджастанхи и центрального и западного пахари, ретрофлексный *ʃ* имеет фонемный статус. В отдельных диалектах гуджарати глухие сибиллянты отражены в глухом [h]. Варьирует по языкам набор и фонологический статус носовых согласных: например, ретрофлексный [ɳ] является фонемой в ассамском, непали, гуджарати, панджаби и др., но аллофоном [n] в хинди и маратхи; в бходжпури, маратхи, конкани и других языках есть придыхательные носовые, а для хинди тот же фонетический сегмент интерпретируется как сочетание носового смычного с [h].

В большинстве Н.и.я. есть альвеолярный одноударный (англ. *tap*), в некоторых же, например, в бхили, ряде диалектов синдхи, ту же позицию в системе занимает многоударный дрожащий (*trill*). Последний может выступать как аллофон одноударного, например, в маратхи и, очевидно, в ряде других языков. Уникальный случай фонематического противопоставления одноударного и многоударного сонорных звуков в Н.и.я. являет каччи — один из диалектов синдхи. Это фонологическое противопоставление встречается также в некоторых дравидийских языках.

Второй тип ротацизма в Н.и.я. — ретрофлексный, звук также одноударный. Только в мальдивском языке отмечен многоударный ретрофлексный сонорный. В маратхи в ряду ретрофлексных вместо [ɽ] имеется латеральный аппроксимант [ɭ], противопоставленный альвеолярному. Эта оппозиция присутствует еще в некоторых Н.и.я. (например, панджаби, ория, ламани и др.), значительно реже исследователями отмечается противопоставление альвеолярных латеральных по придыхательности/непридыхательности (например, бходжпури, саураштри, конкани).

Наиболее существенными признаками, отличающими аллофоны согласных от их основных вариантов, являются долгота (языки северо-запада, в меньшей мере хинди, а также ассамский и бенгальский), огубленность (ассамский), спирализация (ассамский, бенгальский, догри) и — практически во всех Н.и.я. — ассимиляция носовых следующими смычными. Сдвоенные (долгие) согласные характерны в первую очередь для панджаби и лахнда, синдхи и гуджри, в которых сохранились среднеиндийские геминаты, тогда как в большинстве Н.и.я. они сократились с компенсирующим удлинением предшествующего гласного.

П р о с о д и ч е с к и й с о с т а в. Большинство исследователей признают в Н.и.я. наличие словесного ударения, включающего динамическую составляющую. Носителем ударения является слог. Место ударного слога определяется соотношением слогов в слове по тяжести. При равновесных слогах наиболее сильна позиция предпоследнего слога.

Важная просодическая особенность панджаби, лахнда, гуджри и догри — развитие системы смыслоразличительных тонов, компенсирующих утрату звонких аспират или звука [h]. Предполагается существование фонологических тонов и в отдельных граничащих с этими языками диалектах раджастанхи и пахари. Не исключено, что это явление присутствует еще в некоторых Н.и.я.

П о з и ц и о н н а я р е а л и з а ц и я ф о н е м. Конечные краткие гласные редуцируются и практически утрачены повсеместно, кроме синдхи, языков бихари, ория, сингальского и некоторых диалектов конкани. Гласные в исходе слова, графически обозначенные как краткие, в быстром и нормальном темпе речи фо-

нетически мало отличаются от долгих, которые в конечной позиции теряют долготу. Хиатус допускается.

С л о г. Вершиной слога в Н.и.я. всегда является гласный, основной тип слоговой структуры (C)V(C), независимо от количества гласного.

Более сложные слоговые структуры, включающие группы согласных (CVCC, CCVC, CCVCC, CCCVCCC), возможны только в заимствованиях из санскрита и английского. Последняя модель даже в санскритских словах встречается лишь в считанных случаях.

Группы согласных в слоге почти всегда организованы по принципу возрастающей сонорности для начала слога и убывающей сонорности в коде. Соответственно, начальные консонантные группы представляют собой чаще всего сочетания взрывной + сонорный: хин. *grām* 'деревня', *klānt* 'утомленный'. В коде этот порядок следования соответственно меняется: хин. *mārg* 'дорога', майтх. *surj* 'солнце'; возможны два сонорных хин. *kāry* 'дело', два взрывных хин. *śabd* 'слово', носовой + взрывной *ank* 'число'. Исключениями из правила сонорности являются начальные группы шипящий + взрывной, которые также ограничены заимствованиями: из скр. *strī* 'женщина', из англ. *šteśan* 'вокзал'. Группы согласных в пределах одного слога реализуются только в тщательном произношении у людей, получивших хорошее языковое образование, владеющих литературным стандартом одного из официальных языков. В произношении подавляющего большинства носителей Н.и.я. группы согласных упрощаются, вследствие чего увеличивается количество слогов в слове, причем слоги структурно соответствуют основному типу: *surj* [su.ruj], *kāry* [kā.ri.ya], *strī* [is.trī], [ti.rī], *šteśan* [is.ʃe.san], [ti.san] и т. д.

Слоговая граница в многосложных словах проходит перед согласным, в группах согласных — после первого согласного; геминаты распределяются между слогами, составляя коду предшествующего и начало следующего слога.

Бхили и мальдивский имеют асимметричную структуру слога для начальной и нена начальной позиции.

М о р ф о л о г и ч е с к и е с в е д е н и я.

В части дистрибуции фонем Н.и.я. продолжают среднеиндийскую тенденцию избегать консонантных кластеров, которые возможны только в заимствованных словах, а в исконной лексике — на стыке морфем. Группы согласных обычно представляют собой сочетание смычного с сонантом или сибилантом; в начальной позиции возможна трехчленная группа *s* + смычный + сонант. Ограничения на двуконсонантные сочетания в исходе слова относительно немногочисленны, строже всего в ламани: только *-st*. В разговорной речи группы согласных, как правило, разобщаются редуцированным гласным или упрощаются эпентезой, например, марат. [səpəʃtə], графически *spaʃt*. Большинство Н.и.я. допускает долгие согласные в середине слова, но в исходе слова они возможны (с ограничениями) только в панджаби и синдхи (в диалекте каччхи).

Одиночные согласные в конечной позиции чаще всего носовые и шипящие.

Внутреннее сандхи ведет к возникновению алломорфов: марат. *dāt-tānā* ругать-ДЕЕПР.НЕСОВ > *dāt-tānā*, *bas-śīl* садиться-БУД.2ЕД > *baś-śīl*, хин. *laṛkī-ā* девочка-МН.ПРЯМ > *laṛkiy-ā/laṛki-yā* (возможны обе морфологические интерпретации). Изменение формы слова может вести к количественному изменению глас-

ного (марат. *mūl* 'дитя' — *mul-a* 'дети'), а в случае краткого *a* — к его элизии (хин. *sarak* 'улица' — *sark-ē* 'улицы'). Фузионные процессы в санскритских заимствованиях и при образовании новых композит из древнеиндийских лексем по древнеиндийским морфонологическим правилам здесь не рассматриваются. Отметим только, что неосанскритские образования возникают в результате и фузии, и конкатенации.

Корневые морфемы в новоиндоарийских словах чаще оканчиваются закрытым слогом: хин. *ghar* 'дом', *ākh* 'глаз', марат. *misal-* 'смешивать', *maṭar* 'горох', ор. *ās-* 'приходить'; эта тенденция особенно сильна в существительных. Аффиксальные морфемы могут быть представлены одним согласным, гласным или одним слогом, в котором нет стечения согласных. Именные флективные морфемы выражены чистыми и носовыми одиночными гласными или *-n*, которому предшествует краткий гласный (например, в брадже, авадхи косв. п. мн. ч. *-(a)n*, *-un*, тогда как в других языках то же значение выражено назализованным гласным *-ā̃*, *-ō̃*). Флективными показателями глагольной парадигмы могут быть и гласные (хин. *kar-ī* 'делать-СОСЛ.1ЕД', *kar-ē* 'делать-СОСЛ.1МН'), и согласные (марат. *kar-t-o-s* 'делать-НАСТ-М.ЕД-2ЕД').

Последовательного фонологического противопоставления различных типов морфологических единиц не засвидетельствовано. Служебные морфемы отличаются от корневых тем, что они могут быть представлены одним согласным: марат. *kar-t-o-s* 'делать-НАСТ-М.ЕД-2ЕД', один из суффиксов номинатива множественного числа существительных женского рода в домааки *-ŋ*. Корни, состоящие из одного согласного, имеет, по-видимому, только вспомогательный глагол «быть»: *h-*, *th-*, *ch-* и др., а также некоторые местоимения, включая союзы местоименного происхождения, и частицы, например, синг. *-t* 'тоже', некоторые послелоги (например, хин. *k-ā* ГЕН-М.ЕД.ПРЯМ, бандж. *r-o*, 'то же').

Т и п ы ч е р е д о в а н и й. Чередования в Н.и.я. относятся преимущественно к глагольному формообразованию и характерны, в первую очередь, для образований, связанных с изменением валентности. Фонологически они чаще всего выражаются в аблауте по степени подъема (хин. *khul-* 'открываться' ~ *khol-* 'открывать', синг. *pæle-* 'разбиваться' ~ *pala-* 'разбивать'), по долготе/краткости (гудж. *ughad-* 'открываться' ~ *ughād-* 'открывать', хин. *piṭ-* 'быть битым' ~ *pīṭ-* 'бить'), реже в чередования вовлечены разные гласные, что связано изначально со степенью подъема (хин. *khā-* 'есть' ~ *khi-* 'кормить', бенг. *pṛ-* 'падать' ~ *pār-* 'бросать'). Случаи лениции редки и сопровождают аблаут, например, хин. *chūt-* 'отправляться' ~ *choṛ-* 'покидать'. Эти явления могут быть связаны с изменением количества морфем (сир. *mār-* 'бить' ~ *mar-ij-* 'быть побитым', хин. *khā-* 'есть' ~ *khi-lā-* 'кормить', *tūt-* 'ломаться' ~ *tur-vā-* '(заставлять) ломать'), а в отдельных случаях — с противопоставлением грамматических форм (хин. *kar-t-ā* 'делающий' ~ *ki-y-ā* 'сделанный').

В новоиндоарийском именном словоизменении чередование гласных является скорее исключением, например, домааки им. п. ед. ч. *póo* 'нога' ~ ген. п. *paḍe*.

Разнообразные чередования в лексических подсистемах Н.и.я., выполняющие роль морфонологических средств словоизменения и словообразования в языках-источниках заимствований, здесь не рассматриваются. Ограничимся несколькими примерами из хинди с указанием происхождения лексики: из скр. *sundar*

‘красивый’ ~ *saundarya* ‘красота’, из араб. *mulk* ‘страна’ ~ *muluk* ‘страны’, из перс. *(rah-)gīr* ‘путник’, букв. ‘(дорогу) берущий’ ~ *(ke) gir-ift (mē)* ‘(в чьем-либо) владении’, букв. ‘(в) хватке’.

Семантико-грамматические сведения.

Типологически Н.и.я. характеризуются смешением флексии и агглютинации, синтетизма и аналитизма. Как неоднократно отмечалось в литературе, в частности, в работах Г.А. Зографа и К. Масики, явления флексии и синтеза сильнее выражены в западной части континуума Н.и.я., тогда как на востоке этой территории более отчетливы агглютинативные и аналитические черты. Это связано отчасти с ослаблением грамматической категории рода в направлении с запада на восток — в восточных языках она отсутствует. Такое географическое распределение типологических признаков охватывает и именную, и глагольную систему. Для глагола наличие/отсутствие категории рода в языке релевантно, поскольку значительная часть личных форм включает причастия или развилась на основе причастий.

Для именной системы Н.и.я. в целом типичны послеложные показатели падежных значений, для которых в последнее время утвердилось расплывчатое обозначение «клитики». С некоторыми оговорками они могут рассматриваться как агглютинативные показатели. В этом томе они, однако, считаются служебными словами и конструкции с ними, соответственно, — аналитическими. Ср. гудж. (запад) *chokr-ī* ребенок-СР.ЕД.ПРЯМ ~ *chokr-a=ne* ребенок-СР.ЕД.КОСВ=ДАТ ‘ребенку’ и ор. (восток) *pila* ребенок:ЕД.ПРЯМ ~ *pila=ku* ребенок:ЕД=ДАТ ‘ребенку’. Существительное в примере гуджарати принимает перед послелогом, выражающим падежное значение, форму первичного (флексивного) косвенного падежа, тогда как в ория присоединение послелога к существительному не вызывает в последнем никаких изменений. Это различие свидетельствует о более высокой степени аналитизма в восточных Н.и.я. Кроме того, восточные Н.и.я. отличаются от западных наличием ряда агглютинативных показателей числа, определенности/неопределенности, а также детерминантов, сходных по функции с маркерами именных классов.

В глагольной системе аналитические структуры часто используются для выражения аспектуально-временных значений и значений способа действия.

Система частей речи в Н.и.я. в целом может быть представлена так: именные части речи (существительные, прилагательные, числительные), наречия, местоимения (включающие подклассы, соответствующие по морфологическому членению и синтаксическим функциям трем из вышеназванных частей речи, исключая числительные), глаголы, частицы (послелого, собственно частицы, союзы), междометия. Все классы выделяются по морфологическим и семантическим свойствам, а также по синтаксическим функциям. Между всеми частями речи существуют зоны пересечения по формальным и/или функциональным признакам. Наиболее тесно связаны, с одной стороны, существительные, прилагательные и наречия, а с другой стороны, неличные формы глагола. Наречия, исключая небольшую группу неизменяемых слов адвербиальной семантики, примыкают к прилагательным. В сингальском числительные имеют специфические морфологические признаки.

Грамматические категории для североиндийских языков достаточно универсальны, больше расхождений дает их наполнение, т. е. состав охватываемых ка-

тегорией граммом, но основные различия связаны с типом и материальной реализацией категориальных значений (см. статьи о конкретных языках).

В хинди, панджаби, синдхи, раджастхани, западном и центральном пахари последовательно различаются два рода, в гуджарати, маратхи и конкани — три. В этих языках согласование по роду проявляется в определительных синтагмах, если определение выражено изменяемым словом, а также в причастиях, входящих в состав большинства личных форм глагола, и во временных формах, исторически восходящих к причастиям (аорист, именуемый также претеритом или простым прошедшим, некоторые формы вспомогательного глагола «быть»).

Категория рода утрачена восточными языками, практически отсутствует в группе бихари, в непальском и других языках восточной подгруппы пахари, а в диалектах, особенно восточных диалектах хинди, грамматическое противопоставление по роду реализуется нерегулярно. Во всех этих языках род проявляется лексически и присущ существительным, обозначающим живые существа: маг. *burh-ā* 'старик' — *burh-iyā* 'старуха'. Ограниченное согласование по роду наблюдается в именных группах, в которых и прилагательное, и существительное женского рода являются санскритскими заимствованиями, а также в редких сочетаниях санскритских прилагательных с несанскритскими существительными, ср. санскритское прилагательное, в котором выражен род определяемого, и бенгальское существительное: *śundor-i meye* красивый-Ж девочка 'красивая девочка', но *śundor mukh* красивый лицо 'красивое лицо' (род не выражен). Предикативные формы этих языков не имеют согласования по роду.

Противопоставление по грамматическому роду может быть также связано с величиной обозначаемого предмета (гудж. *sāt-s-o* ложка-М '(большая) ложка' — *sāt-s-i* ложка-Ж 'маленькая ложка, ложечка') или с оценочным значением (гудж. *nākr-i* работа-Ж 'работа' — *nākr-ū* работа-СР 'плохая, непрестижная работа').

В гуджарати наблюдается необычное расхождение между биологическим полом и грамматическим родом: формы среднего рода множественного числа определения и сказуемого употребляются как гонорифические по отношению к женщине.

Всем Н.и.я. присуща категория *персональности*, не вполне четко отделяемая от категории *одушевленности* и в некоторых языках совпадающая по форме выражения с категорией определенности. Выражается она в предпочтительном оформлении персонального прямого объекта направительным показателем (неперсональный в равных условиях имеет тенденцию оставаться неоформленным). Следует подчеркнуть, что речь идет о тенденции, а не о правиле, и двойное оформление существительного, обозначающего человека, в роли прямого объекта, как правило, возможно:

- (1) марат. *tyānē cor/* *cor-ā* *lā* *dhar-l-ā*
 он:ЭРГ вор:ЕД.ПРЯМ/ вор-КОСВ АКК хватать-ПРОШ.СОВ-М.ЕД
 'Он поймал вора'.

В восточных языках категория одушевленности определяет выбор аффиксов множественности и классификаторов, например, в ория для обозначения людей *jəṇə*, букв. 'человек' (после числительного), *-mane*: *daktər-mane* врач-МН.КЛАСС 'врачи', *daktər dui jəṇə* врач два КЛАСС 'два врача', тогда как для обозначения неодушевленных объектов используются *-guḍakə*, *-ṭa*, *-ṭi*: *bōhi-guḍakə* книга-МН.КЛАСС

‘книги’. Показатели неодушевленных объектов могут использоваться и при существительных, обозначающих людей, привнося пейоративное значение: *daktor-gudakə* ‘какие-то там (плохие) врачи’, но употребление классификаторов со значением ‘человек, люди’ при неодушевленных объектах невозможно: **bəhi-mane* ‘книги’.

Сингальскому и цыганскому свойственна категория одушевленности, проявляющаяся в различии парадигм склонения.

Иерархия имен по активности проявляется в наборе их синтаксических и семантических ролей, а на морфологическом уровне — в сочетаемости с теми или иными падежными показателями. Так, в эргативных конструкциях семантические субъекты выражены, за редким исключением, существительными, обозначающими существа, чаще всего людей, и имеют роль агенса. Существительные, обозначающие неодушевленные объекты, в форме эргативного падежа встречаются редко. Семантические субъекты предложений, выраженные одушевленными именами в формах косвенных падежей (за исключением эргативного, так называемые неноминативные субъекты), сигнализируют об отсутствии контроля над ситуацией (конструкции типа «мне холодно», «у него есть желание», «нет в ней того, чтобы...» и т. п.). К этому типу относятся также конструкции с модальными значениями, такими как «ему нужно», «тебе следует», «мне придется» и т. п. Из неноминативных субъектов наибольшим количеством типичных для этой синтаксической функции признаков обладает субъект в форме дательного падежа, он чаще других встречается в такого рода конструкциях.

Классифицирующие глаголы в Н.и.я. не отмечены. Прилагательные подразделяются морфологически на изменяемые, в которых выражено согласование с определяемым именем по роду, числу и падежу, и неизменяемые. В Н.и.я., не имеющих категории рода, изменяемых прилагательных нет, если не считать санскритских заимствований в форме женского рода. По семантическим признакам полнозначные прилагательные бывают только качественными. Значения, присущие относительным и притяжательным прилагательным, передаются определением, выраженным родительным падежом определяющего существительного, например, хин. *skūl-k-e bacc-e* (школа-ГЕН-М.МН ребенок-М.МН) букв. ‘школьные дети’, т. е. ‘школьники’; конк. *sejary-a-č-ī bhurg-ī* (сосед-М.ЕД.КОСВ-ГЕН-СР.МН.ИМ ребенок-СР.МН.ИМ) ‘соседские дети’. Во всех Н.и.я. есть притяжательные местоимения. Атрибутивное значение передается также, в зависимости от происхождения лексики, примыканием или сложными словами.

Все Н.и.я. различают два числа. В западных и центральных языках эта категория в именах выражается по преимуществу флективными показателями, на востоке — агглютинативными. Флективные морфемы со значением множественности могут сочетаться со следующими за ними агглютинативными показателями (например, в гуджарати), а также с классификационными показателями, сохраняющими лексическое значение имени, на основе которого они сложились: хин. *bacc-e log-ō=ko* ребенок-М.МН.ИМ люди-МН.КОСВ=ДАТ ‘детям’. В личных местоимениях 1-го и 2-го лица число выражается супплетивными основами, в 3-м лице (личные местоимения 3-го лица одновременно являются указательными местоимениями) единственное и множественное число в прямом падеже могут формально не различаться.

Оппозиция инклюзивных и эксклюзивных местоимений отмечена на западе (маратхи, гуджарати, некоторые диалекты раджастхани) и в ория.

Число служит также средством выражения категории *г о н о р а т и в н о - с т и*, передающейся специальными формами местоимений 2-го и 3-го лица; значение множественного числа выражается при них морфологически и/или синтаксически — в сказуемом.

В западных и центральных языках личные глагольные формы согласуются в числе с подлежащим в предложениях номинативной конструкции или с прямым объектом в предложениях эргативной конструкции. В предикатах, включающих причастие и вспомогательный глагол, а также в будущем времени, число в формах мужского и среднего рода выражено дважды (в отличие от форм женского рода, где эта категория не дублируется):

- (2) марат. *sohan kāl dewlāt ge-l-ā ho-t-ā*
 Сохан:М.ЕД.ИМ вчера деревня уходить-ПЕРФ-М.ЕД быть-ПРОШ-М.ЕД
 'Сохан вчера ходил в деревню'.

- (3) хин. *ham likh-ēg-e*
 мы писать-БУД.М.1МН-М.МН
 'Мы напишем/будем писать'.

В восточных языках категория числа выражается нерегулярно, в некоторых из них согласование по числу отсутствует. Так, в бенгали числовое значение подлежащего не выражено в сказуемом. В ория, напротив, число выражено в сказуемом, даже если форма подлежащего в числовом отношении нейтральна:

- (4) ор. *pila kheḷ-uch-ṇti*
 ребенок играть-ПРОГР-НАСТ.3МН
 'Дети (сейчас) играют'.

Немаркированное существительное может быть нейтрально по числу в гуджарати, где наблюдается сходное с ория распределение числовых показателей в главных членах предложения — либо в имени, либо в личной форме глагола. По большей части маркировано множественное число, но может быть маркировано и единственное, как, например, в ория, где счетные показатели выражают значения единичности и неопределенности: *bḥi-te* книга-НЕОПР 'одна книга'.

Счетная система в Н.и.я. — десятичная. Некоторые языки, например парья, сохранили элементы вигезимальной системы счета. Ч и с л и т е л ь н ы е, включающие единицы и десятки, как правило, продолжают среднеиндийские сложные числительные, вследствие чего относящиеся к разным разрядам числительные в их составе на синхронном уровне выделяются неотчетливо. Такие числительные могут замещаться новообразованиями по типу: разряд десятков + + разряд единиц («пятьдесят и два»), как в конкани. Разряды числительных начиная от сотни обозначаются существительными, причем до ста тысяч каждая следующая степень десяти имеет лексическое выражение; следующий разряд, обозначенный отдельным словом — десять миллионов, затем — миллиард.

Наиболее распространенные лексемы, обозначающие дроби: «четверть», «половина», «три четверти», а для сочетаний полных единиц с неполными — «с четвертью» и т. п., а также «полтора» и «два с половиной». Порядковые числительные по морфологическим свойствам представляют собой прилагательные. Числительные сингальского языка отличаются специфическими морфологическими характеристиками.

П а д е ж н ы е значения основных актантов в большинстве Н.и.я. зависят от переходности/непереходности глагола и — при переходном глаголе — от его аспектуальной формы. (Ср. ниже описание структуры простого предложения.) Субъекты непереходных глаголов и неперфективных форм переходных глаголов являются формальным подлежащим, т. е. оформляются соответственно прямым падежом (номинативом). Перфективная форма переходного глагола в предикате требует оформления агенса косвенным падежом (в большинстве языков сочетается с эргативным послелогом); глагол согласуется с объектом. Если объект маркирован как определенный/одушевленный, он принимает форму косвенного падежа, вследствие чего глагольное согласование, как правило, нарушается. Косвенный падеж не препятствует глагольному согласованию лишь в некоторых языках: с объектом — в гуджарати, раджастхани и некоторых диалектах маратхи, с субъектом — в непальском. В восточных языках падеж субъекта не зависит от переходности/непереходности глагола. Ряд глаголов со значениями восприятия, чувственного и физического состояния требуют оформления семантического субъекта — экспериенцера — дательным падежом (ср. выше, иерархия имен по активности). Субъект может принимать также показатели других косвенных падежей, в том числе инструменталиса. При так называемых двойных каузативах инструменталис маркирует непосредственного исполнителя действия.

В Н.и.я. нет глагола «иметь». Типичным способом выражения з н а ч е н и я п р и н а д л е ж н о с т и являются форма родительного падежа существительного и притяжательные местоимения. Это справедливо для случаев, когда посессивные отношения относятся к известной информации в предложении, см. (5). Если отношение принадлежности составляет новую информацию (т. е. является основным содержанием предложения), то обладаемое становится формальным подлежащим при сказуемом, выраженном глаголом «быть», тогда как обладатель оформляется в зависимости от типа посессивных отношений. При отношении неотчуждаемой принадлежности обладатель оформляется так же, как в первом случае, родительным падежом, см. (6). В некоторых Н.и.я. вместо родительного падежа может употребляться дательный, см. (7). Значение отчуждаемой принадлежности передается средствами выражения пространственной семантики — граммемами со значением «у», «рядом», см. (8).

- (5) хин. *merī / naukar=kī beī udhar ga-ī*
 мой:Ж / слуга=ГЕН.Ж дочь туда идти-ПРОШ.СОВ.Ж
 'Моя дочь / дочь слуги туда пошла'.

- (6) хин. *merī / naukar=kī beī hai*
 мой:Ж / слуга=ГЕН.Ж дочь быть:НАСТ.ЗЕД
 'У меня / слуги есть дочь'.

- (7) бандж. *tamēn tīn bhen cha*
 вы:ДАТ три сестра быть:НАСТ.ЗЕД
 'У вас (есть) три сестры'.

- (8) хин. *mer-e / naukar=ke pās baig hai*
 мой-КОСВ / слуга-ГЕН рядом сумка есть
 'У меня / слуги есть сумка'.

Энклитические местоимения в тех языках, где они имеются, замещают обладателя (почти всегда анафорически) и присоединяются к обладаемому, обозначая известный факт принадлежности: пар. *beto=so* сын=его/ее 'его/ее сын'. Поссесивное отношение может выражаться в предложении также местоименными суффиксами, присоединяющимися к глаголу-сказуемому (например, в магадхи, майтхили). Падежные значения в существительных выражаются тремя ярусами форм. Первичные — флективные — падежные формы сохраняются на западе и в центре региона. Универсальным здесь является противопоставление прямого и косвенного («припослеложного») падежей, третьим членом оппозиции на западе обычно выступает звательный падеж, который может совпадать с общекошвенным. В отдельных языках, особенно на западе региона, рудиментарно, для строго ограниченных семантически и формально подклассов имен, сохраняются синтетические формы локатива, инструменталиса и аблатива: гудж. *ghar-e* 'дома' (лок. п.), ор. *sakaḷ-u* 'утром' (абл. п.). Чаще всего они обнаруживают тенденцию к лексикализации и переходу в наречия, реже генерализуются и включаются в систему вторичных падежей (например, инструменталис-агенса в гуджарати) или вступают с ними в дополнительное распределение (инструменталис-локатива на *-e/-u* в бенгальском). Второй ярус представляют формы с первообразными (или «простыми») послелогоми, наращивающимися обычно на общекошвенный падеж. В результате их стяжения с именем возникли вторичные падежные формы в языках восточной подгруппы, непальском, сингальском и некоторых других. Тот же процесс замечен и в западной части новоиндоарийского языкового континуума, например в гуджарати. Для западных и центральных языков специфична «адъективная» форма, образующаяся присоединением послелога, изменяемого по парадигме прилагательного. В качестве третьего яруса формальных показателей выступают производные (или «сложные») послелоги, сочетающиеся с именем через адъективный (реже — какой-либо иной) послелог или присоединяемые непосредственно к форме косвенного падежа.

В прилагательных и в морфологически тождественных им образованиях (причастительные местоимения, причастия) падеж выражается только в изменяемых словах и только первичными формами.

Качественные глагольные классификации, такие как *лицо и время*, передаются в Н.и.я. только личными формами глаголов, все прочие имеющиеся в каждом данном языке категории в большей или меньшей степени релевантны и для неличных форм.

Переходность / непереходность, как правило, в сочетании с аспектом глагола-сказуемого, определяет в большинстве Н.и.я. тип структуры предложения (см. ниже). Эта категория не имеет регулярного морфологического выражения, хотя различие в валентности однокоренных переходных и непереходных глаголов обычно явствует из их формы. Некоторые языки, например бенгали, практически утратили синтетические способы передачи этой категории. Для переходных сложно-отыменных глаголов характерно использование образующего глагола со значением «делать», противопоставленного глаголу «быть» в соответствующих непереходных: бенг. *mukto kara* 'освобождать' (букв. 'свободным делать') — *mukto hwa* 'свободным быть, освобождаться' и т. п. Особые морфологические признаки имеют каузативы, составляющие подгруппу переходных глаголов.

Почти во всех Н.и.я. имеется регулярная формальная оппозиция активного и пассивного з а л о г о в. Чаще всего пассивный залог выражается аналитически сочетанием причастия совершенного вида смыслового переходного глагола с глаголом «идти» в качестве вспомогательного:

- (9) пандж. *mæñĩ pasād nahĩ kītā giā*
 я:АКК нравящийся ОТР делать:ПРИЧ.СОВ идти:ПРОШ.СОВ
 ‘Меня невзлюбили’.

Бенгальский, в котором регулярная залоговая оппозиция отсутствует, использует в аналитическом пассиве глагольное имя:

- (10) бенг. *bəu kena jaɯ*
 книга покупать:ГЛАГ.ИМЯ идти:НАСТ.З
 ‘Можно купить книгу/книги’.

Потенциальное значение, явствующее из последнего примера, может выражаться аналитическим пассивом, но в большей мере характерно для синтетического пассива, сохранившегося и иногда сосуществующего с аналитическим в ряде Н.и.я. Примеры синтетического пассива: неп. *mār-i-yo* убить-ПАСС-ПРОШ.ЗЕД ‘убит’, гудж. *khərid-a-še* купить-ПАСС-БУД-ЗЕД ‘будет куплен’ в значении ‘может быть куплен’. Суффиксы синтетического пассива включают гласный переднего ряда верхнего (синд. *-(i)j-*, радж. *-īj-*, неп. *-i-*, брадж *-i-/i-y-*), среднего (синг. *-e-*) или нижнего подъема (гудж., бих. *-ā-*, марат. *-av-* и др.). Модальное значение присуще также структурно тождественным пассиву формам непереходных глаголов, большей частью с отрицанием, обозначающим в этом случае неспособность субъекта к совершению действия (инабилитив). В таких конструкциях субъектная позиция, за редким исключением, заполнена, что, в частности, отличает их от «истинного» (т. е. образуемого переходными глаголами) пассива, в котором субъект выражается относительно редко, зачастую с помощью иного показателя, чем при непереходных глаголах.

В Н.и.я. имеются контактные и дистантные к а у з а т и в ы. Первый тип имеет значение «побуждать кого-либо сделать что-либо»; значение второго типа — побуждение к действию через третье лицо. Этому семантическому различию, выражающемуся в неодинаковом наборе актантов, может соответствовать разное количество суффиксов каузативных глаголов. Помимо суффиксации средством выражения каузативности служит аблаут, который в редких случаях сопровождается леницией: потх. *tur-* ‘гулять’ — *tor-* ‘выводить на прогулку’, конк. *kər-* ‘делать’ — *kəre-* ‘заставлять делать’, пандж. *uth-āu-ñā* ‘поднимать (самому)’ — *uth-w-āu-ñā* ‘велеть поднять’. Суффиксация может сочетаться с аблаутом: потх. *ves-* ‘продавать’ — *vicā-* ‘заставлять продавать, продавать через посредника’. Первый тип может по морфологическим признакам пересекаться с переходными, но некаузативными глаголами, например хин. *chor-* ‘оставлять’, *banā-* ‘делать’, ‘создавать’.

Средствами сокращения числа валентностей являются аблаут и/или уменьшение (в считанных случаях — увеличение) числа суффиксов.

В большинстве Н.и.я. имеется трехчленная оппозиция по в и д у: совершенный/несовершенный/прогрессив. В описаниях некоторых Н.и.я. категория вида интерпретируется как четырехчленная, включающая также общий, или ней-

тральный, вид. В языках с бинарной оппозицией отсутствует прогрессив, который грамматикализировался в составе новоиндоарийской видовой подсистемы значительно позже двух других. Эта форма, как правило, аналитическая, маркирована по отношению к другим членам оппозиции. Вид выражен в личных и неличных глагольных формах. Наиболее типичные носители контрастивных видовых значений — причастия и деепричастия. Видо-временная система Н.и.я. зиждется на видовых различиях. Некоторые синтетические временные и модальные финитные формы глаголов почти полностью совпадают с лежащими в их основе причастиями, отличаясь от последних — и то не всегда — лишь одним членом парадигмы (например прошедшее или общее совершенное, отрицательные формы несовершенного вида, условное/ирреальное наклонение).

Для причастий несовершенного вида характерны суффиксы, представленные дентальными смычными, ср. хин. *-t-*: *khā-t-ā*, в западных *-(n)d-*: пандж. *khā-d-a* 'есть-ПРИЧ.НЕСОВ-М.ЕД 'едящий', в сингальском в этой роли выступает носовой — *na-*, *-nnā-*. Суффиксы совершенного вида на востоке, а также в маратхи и один из суффиксов с этим значением в гуджарати включают *-l-*, либо одиночный, либо в сочетании с предшествующим гласным (например, садри *mil-al* 'нашедшийся'); в остальных языках суффикс совершенного вида *-u/-Ø-*. Алломорф *-u-* присоединяется к основам с исходом на гласный, *-Ø-* — на согласный. На основе видовых сложился ряд личных форм глагола, в которых те же показатели служат выражению временных или модальных значений.

Система личных глагольных форм конструируется из широкого круга аналитических и менее многочисленных синтетических. В числе синтетических выделяются первичные, собственно флективные, и вторичные, образуемые присоединением аффиксов агглютинативного типа к первичным формам или же к причастным основам. Примеры первичных форм: бенг. *kin-i* 'покупать-НАСТ.1ЕД '(я) покупаю', конк. *part-at* 'изменяться-СОСЛ.3ЕД '(если) изменится/будет меняться'; примеры вторичных форм: хин. *likh-e-g-ā* ('писать-3ЕД-БУД-М.ЕД) '(он) напишет/будет писать', майтх. *kāir-t-āhī* ('делать-УСЛ-2ГОН) '(если бы) Вы сделали/делали'.

Аналитические формы также можно разделить на первичные и вторичные. Первичные образуются вспомогательным глаголом-связкой, присоединяющимся к причастиям, передающим значение вида, реже к спрягаемым формам; вторичные образуются довольно широким кругом глаголов, передающих в сочетании с формами смыслового глагола фазовые значения и значения глагольной множественности. Эти две группы значений могут передаваться личными и неличными формами. Так, например, инфинитив смыслового глагола в сочетании с личной формой глагола со значением «прилагаться, примыкать» выражает инхоатив, а в сочетании с некоторыми послелогом — терминатив. Континуатив может передаваться аналитической личной глагольной формой, сочетающей причастие несовершенного вида смыслового глагола с глаголом «оставаться», ср. (11), а может быть выражен редупликацией причастных или деепричастных форм:

- (11) пандж. *ó jāg-d-ā* *rā-ā*
 он бодрствовать-ПРИЧ.НЕСОВ-М.ЕД оставаться:ПРОШ.СОВ-М.ЕД
 'Он продолжал бодрствовать'.

Сходные формальные типы используются для итератива (в индологической традиции употребляется термин «фреквентатив»). Значения глагольной множественности присущи неоднородной категориальной группе «способ действия», включающей разнообразные аналитические формы. В некоторых неличных формах это значение выражается их полной или частичной редупликацией.

Видо-временная форма перфекта может в определенных контекстах рассматриваться как один из способов выражения терминативности. Результативное значение, присущее перфективным формам, может маркироваться дополнительно, сообщая смысл «состояние».

Наиболее типичным средством выражения терминативного значения являются лексико-грамматические образования, включающие более одного (как правило, два) глагола, в русской терминологии «сложно-интенсивные» (англ. *compound verbs*). Они сочетают основу или деепричастие смыслового глагола с лексически ослабленными функциональными глаголами движения и перемещения, как переходными, так и непереходными: хин. *chūt ga-y-ā* отправляться:ОСН уходить-ПРОШ.СОВ-М.ЕД (СЛ-ИНТ)) 'отправился', *parh li-y-ā* читать:ОСН брать-ПРОШ.СОВ-М.ЕД (СЛ-ИНТ) 'прочел (до конца)'.

В и д о - в р е м е н н а я система и система н а к л о н е н и й складываются из совокупности синтетических и первичных аналитических форм, которые могут быть организованы в схему по двум параметрам: 1) форма смыслового глагола (непричастная, причастие несовершенного, несовершенного или прогрессивного вида) и 2) форма вспомогательного глагола-связки (или соответствующий тип окончаний значащего глагола). В Н.и.я., представленных как центральные в морфологической классификации Г.А. Зографа (см. 4.), эта схема допускает функциональную интерпретацию: по типу причастия дифференцируется несовершенный, совершенный, а во многих языках также прогрессивный вид, тогда как непричастные формы понимаются как общий вид; по связке и окончаниям дифференцируются настоящее, прошедшее, будущее время изъявительного наклонения и сослагательное, предположительное и условное наклонения.

В остальных Н.и.я. эта схема варьирует либо за счет редукции ее частей (недифференцированность форм совершенного и несовершенного вида в ассамском; отсутствие общеиндийских форм условного наклонения там же, а также в синдхи и лахнда и пр.) или, напротив, усложнения (маратхи, непальский, бихари). Заметны различия в структуре и материальном оформлении основных компонентов этой схемы. Так, причастным компонентам аналитических форм западных и центральных языков в восточных соответствуют деепричастные. В гуджарати, раджа-стхани, пахари вместо причастного компонента в настоящем времени (а иногда и в имперфекте) выступает личная форма (сослагательного наклонения). Причастие несовершенного вида в предикативном употреблении повсеместно выступает как форма условного наклонения и/или прошедшего обычного, но в синдхи — как форма будущего. Вторичные личные окончания при формах причастной этимологии обычны на западе и востоке, но не в центре. К сингальскому и цыганскому эта схема вообще неприменима. Более частные отличия даны в статьях по конкретным языкам.

М о д а л ь н о с т ь выражается личными формами косвенных наклонений, различающих в общем случае три степени вероятности действия: высокую

(предположительное наклонение), среднюю (сослагательное наклонение) и нулевую (ирреалис, или условное наклонение), а также повелительными формами, различающимися от двух (например, хиндко) до пяти степеней вежливости. Если в языке специально выражается вежливое побуждение, то для него используется форма оптатива, исторически связанная с пассивом. Побуждение, выраженное сослагательным наклонением, в том числе сослагательным пассива, передает еще более высокий уровень вежливости.

Возможность (при отрицании — невозможность) может быть выражена конвербом (например, в конкани), сложным глаголом, включающим в качестве образующего модальный глагол со значением «мочь», а также формами пассива. Тождественные пассивным формы непереходных глаголов с отрицанием выражают неспособность субъекта к совершению действия.

Категория *э в и д е н ц и а л ь н о с т и* отмечена в непальском и сингальском языках.

Выражение *л и ц а* в имени и глаголе присуще всем языкам, но полнота манифестации этой категории в глаголе варьируется. Оно нейтрализуется: 1) в именных предикативных формах, восходящих к причастиям; таковы формы прошедшего совершенного (в иной терминологии также претерит или аорист), аналитические формы прошедшего времени и формы условного наклонения в центральных и западных Н.и.я. (кроме синдхи, маратхи и некоторых диалектов); 2) там же повсеместно в формах совершенного вида переходных глаголов (не имеющих субъектного согласования).

В организации системы местоимений, изначально достаточно единообразной, наиболее яркое отличие представляет категория *г о н о р а т и в а* в восточных языках, включающая четыре степени вежливости и находящая последовательное выражение в противопоставлении не только форм местоимений 2-го и 3-го (а отчасти и 1-го) лица, но и соответствующих форм глагола. Особенность майтхили и магахи представляет согласование переходных глаголов по лицу и степени вежливости:

- (12) майтх. *ham torā mār-b-au*
 я тебя:ФАМ бить-БУД-1ЕД.СУБ-2ФАМ.ОБЪЕКТ
 'Я тебя побью'.

Глагол может включать до трех личных аффиксов. В северо-западных синдхи и лахнда актантные позиции также отражаются в структуре предиката, где они заполнены местоименными энклитиками.

На западе и в центре противопоставление по гоноративности ограничено сферой местоимений 2-го лица: единственное число — фамильярное, множественное число — нейтральное, возвратное — почтительное.

Для Н.и.я. характерно использование указательных местоимений для выражения 3-го лица.

Категория *о п р е д е л е н н о с т и* отражается в имени во всех североиндийских языках в предпочтительном оформлении определенного прямого объекта направительным показателем (послелогом или вторичным падежным аффиксом), тогда как неопределенный объект (обычно и неличный — см. выше) такого оформления не имеет. Кроме того, в языках восточной подгруппы существует

система специальных показателей, как универсальной (*kā* и т. п.), так и избирательной сочетаемости, аффигуемых к основе существительного (в дополнительном распределении к агглютинативным показателям множественности) или к числительному. В сингальском и мальдивском, напротив, имеется аффикс неопределенной формы существительного *-(e/a)k*, тогда как определенная форма никак не маркирована. Указанные значения повсеместно могут передаваться и лексически: определенность — префиксацией указательных местоимений, неопределенность — неопределенными местоимениями или числительным «один».

Выражению пространственной ориентации служат указательные местоимения двух, реже трех, степеней удаления: ближнего плана, дальнего плана и соотносительные (они же анафорические); последние две ступени нередко совмещаются. В сингальском различаются четыре степени удаления.

К лексическим средствам пространственной ориентации относятся наречия, местоименные наречия, а также сочетания указательных местоимений с существительными пространственной семантики, например, хин. *u-s taraf* тот/та-КОСВ сторона 'в той стороне, в ту сторону'. Все местоименные разряды, кроме личных местоимений, включают слова с пространственным значением. Послелого передают основные типы локативных значений.

Все Н.и.я. различают три абсолютных в р е м е н и: настоящее, прошедшее и будущее. Согласование времен отсутствует. Таксис выражается различными типами сочетаний личных, последовательностью неличных, а также порядком расположения личных и неличных глагольных форм.

Значительное разнообразие наблюдается в способах выражения о т р и ц а н и я. Наиболее универсальна частица *na*, выступающая в препозиции к глаголу (в ассамском ее гласный обычно ассимилируется гласному корня). Наряду с ней распространены частицы типа хин. *nahī*, ор. *nāhī*, бенг. *nāi* и т. п., развившиеся из отрицательной формы связки (в маратхи и лахнда сохраняют остаточное спряжение и поныне) и употребительные преимущественно при видо-временных формах индикатива. Заслуживает внимания асимметрия утвердительных и отрицательных конструкций аналитического презенса (реже — имперфекта) в гуджарати, раджастхани, пахари, парья, где первые опираются на личную форму значащего глагола (т. е. иррегулярны с общей новоиндоарийской точки зрения), а вторые — на причастную (т. е. «восстанавливают» регулярную конструкцию).

В соответствии со сказанным, обычная с т р у к т у р а и м е н н о й с л о в о ф о р м ы центральных и западных языков отличается от таковой в восточных Н.и.я. В центральных и западных Н.и.я. на основу существительного наращиваются: 1) флективный показатель числа и падежа (иногда также агглютинативный показатель множественности с необходимой флексией); 2) первообразный послелог или адъективный показатель; 3) производный послелог. В восточных языках основа последовательно присоединяет: 1) показатель определенности или множественного числа; 2) (вторичный) падежный аффикс; 3) (производный) послелог. В обоих случаях развертывание формы в целом линейно.

Наращением служебных элементов к основе развертывается и г л а г о л ь н а я с л о в о ф о р м а, но последовательно линейный порядок соблюдается здесь лишь в ограниченных пределах. Непосредственно к основе присоединяются либо первичные личные окончания, либо непредикативные (причастные, дее-

причастные) аффиксы; на последние могут наращиваться вторичные личные окончания. Образованные таким путем (но чаще всего — равные причастиям или деепричастиям) формы присоединяют первичный вспомогательный глагол, в свою очередь, оформляющийся одним из описанных выше способов (т. е. личным или непредикативным аффиксом). Дальнейшее развертывание — образование вторичных аналитических форм — происходит как бы «вклиниванием» соответствующих вспомогательных глаголов, которые могут быть определены как вторичные, между смысловым и всеми словоизменительными компонентами словоформы: к основе значащего глагола присоединяется непредикативный аффикс, выбор которого диктуется вторичным вспомогательным глаголом, а сам этот глагол принимает на себя всю необходимую цепочку описанных выше синтетических и первичных аналитических показателей.

Обычные способы словообразования — суффиксация и словосложение. Префиксация наблюдается почти исключительно в заимствованиях.

Синтаксические сведения.

Основной порядок слов в Н.и.я. SOV. Отсюда вытекает обычная препозиция определения и послеложное управление именем. В языках суб-подгруппы западный пахари может доминировать порядок слов с глаголом во второй позиции, типичный для соседствующих с ними дардских языков.

Порядок слов в предложении Н.и.я. допускает высокую степень варьирования. Изменению порядка слов сопутствуют, как правило, изменения в коммуникативной структуре. С точки зрения коммуникативной структуры предложения наиболее сильная позиция — это позиция перед предикатом, которую при переходных глаголах обычно занимает объект, а при эмфатическом выделении — член предложения, находящийся в фокусе высказывания. Возможны и другие варианты инверсии. Той же цели служат эмфатические частицы; личные и указательные местоимения имеют эмфатические формы.

Для строя большинства Н.и.я. характерно смешение аккузативного и эргативного типов. Расщепленная эргативность более отчетливо представлена в центральных и западных Н.и.я., где эргативная конструкция используется при наличии в сказуемом перфективной формы переходного глагола, тогда как при имперфективной форме конструкция предложения номинативная. При непереходных глаголах эргативная конструкция в принципе исключена (однако в некоторых вариантах западного пахари отдельные непереходные глаголы вызывают построение предложения по модели, которая интерпретируется как эргативная). Субъект (агенса) эргативной конструкции стоит в косвенном падеже и оформляется либо специальным послелогом агенса (хинди, панджаби, парья), либо инструментальным (гуджарати, маратхи, непали), либо не присоединяет послелога (синдхи, ассамский, марвари). Прямой объект (пациенса), как уже указывалось, может стоять либо в прямом падеже, либо в косвенном с направительным послелогом (выбор формы диктуется не глаголом, а персональностью/неперсональностью и определенностью/неопределенностью объекта). Если при объекте нет послелога, глагол-сказуемое с ним согласуется, при объекте, оформленном послелогом, — принимает несогласованную (абсолютную) форму, совпадающую с единственным числом мужского (в отдельных языках среднего рода. Исключение составляют гуджарати и диалекты раджастхани, где глагол согласуется с объектом независимо от его формы.

Примеры эргативной конструкции.

- (13) пандж. *tarkhān-ne kursi-ã banā-ĩ-ã*
 плотник-ЭРГ стул:Ж-МН.ПРЯМ делать-ПРОШ.СОВ-Ж.МН
 'Плотник сделал стулья'.

Объект маркирован дательно-винительным послелогом, глагол-сказуемое употребляется в нейтральной форме, совпадающей с мужским родом единственного числа:

- (14) пандж. *jasbīr-ne āṛṇī pəṇ-nĩ wekh-i-ā*
 Джасбир-ЭРГ своя сестра-АКК/ДАТ видеть-ПРОШ.СОВ-НЕЙТР.ЕД
 'Джасбир увидел свою сестру'.

В непальском субъект переходного глагола-сказуемого оформлен как агенс (инструментальным падежом) не только при перфективных формах глагола: глагол согласуется с субъектом, несмотря на то, что он оформлен косвенным падежом; объектного согласования нет. В ассамском последовательно различаются формы субъекта (агенса) переходных и непереходных глаголов. Синдхи и лахнда (в одной форме также маратхи) являют в эргативной конструкции двойное — субъектное и объектное — согласование:

- (15) синд. *ciṭī* *likh-ī* *ho-mi*
 письмо:Ж.ЕД писать-ПРИЧ.СОВ.Ж быть:3ЕД-1ЕД
 '(Я) написал письмо'.

В ряде языков, как, например, в стандартном бенгальском, садри, ория, а также в сингальском эргативности нет.

- (16) пакист. урду *salīm-ne jānā hai*
Салим-ДАТ.АГЕНТ идти:ИНФ быть:НАСТ.ЗЕД
'Салиму надо идти'.

Ср. хинди и стандартный индийский урду: *salīm=ko* (ДАТ) *jānā hai* с тем же значением.

Возможность двоякого оформления объекта (пациенса) — постоянная характеристика Н.и.я., сохраняющаяся и при пассивной трансформации (дает варианты типа: «он побит» и «его побито»; позиция агенса при этом часто остается незаполненной. Агнс конструкции с пассивным значением, в которой действие выражено не личной формой, а причастием совершенного вида переходного глагола, предстает в форме посессора: *mā-kā banā-y-ā khānā* мать-ГЕН готовить-ПРИЧ.СОВ-М.ЕД.ПРЯМ еда:М.ЕД 'еда, приготовленная матерью'. В этом случае субъект имеет ту же форму, что и посессор при значении неотчуждаемой принадлежности (см. выше).

В о п р о с и т е л ь н ы е предложения по структуре в основном не отличаются от повествовательных. В побудительных предложениях позиция субъекта замещается редко, и замещение имеет дополнительные коммуникативные функции.

В с л о ж н ы х предложениях — как сложносочиненных, так и сложноподчиненных — сохраняется порядок слов простого предложения. Большинство типов придаточных предложений, как правило, предшествуют главному. И в сложносочиненных, и в сложноподчиненных предложениях преобладает союзная связь. В разговорном языке и в неофициальном стиле письменного языка союзы, вводящие придаточные, часто опускаются, однако союз, вводящий главное предложение, практически обязателен. Не опускаются также относительные местоимения, вводящие придаточные определительные и являющиеся их членом. Они коррелируют с указательным местоимением в главном предложении:

- (17) хин. *jis kamre=mẽ sāmān rakkhā hai*
 который:ОТНОС.КОСВ комната=в багаж положенный быть:НАСТ.ЗЕД
us=ko band kar do
 он:ЗЕД=АКК закрытый делать давать:СЛ-ИНТ.ИМП
 'Запри комнату, в которой сложен багаж'.

В ряде случаев придаточные предложения могут быть «свернуты» в обороты с неличными глагольными формами: придаточные определительные трансформируются в причастные, временные — в деепричастные или инфинитивные обороты.

Более подробные сведения о языках, упомянутых в настоящем обобщенном представлении новоиндоарийской группы, читатель найдет в статьях этого тома.

ЛИТЕРАТУРА

- Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии: Материалы конференции. М., 1987.
Бабакаев В.Д. Ассамский язык. М., 1961.
Быкова Е.М. Бенгальский язык. М., 1966.
Вентцель Т.В. Цыганский язык: Севернорусский диалект. М., 1964.
Выхулеву В.В. Сингальский язык. М., 1964.
Дымищ З.М. Грамматика языка хинди: В 2-х кн. М., 1986.
Дымищ З.М. Грамматика языка урду. М., 2001.
Егорова Р.П. Язык синдхи. М., 1966.
Елизаренкова Т.Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
Елизаренкова Т.Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
Елизаренкова Т.Я. Индоарийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы. М., 1981.
Елоева Ф.А., Русаков А.Ю. Проблемы языковой интерференции: Цыганские диалекты Европы. Л., 1990.
Захарьин Б.А. Типология языков Южной Азии. М., 1987.
Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960.
Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
Зограф Г.А. К классификации индоарийских языков // Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. М., 1982.
Зограф Г.А. Языки Южной Азии. М., 1990.
Катенина Т.Е. Язык хинди. М., 1960.
Катенина Т.Е. Язык маратхи. М., 1963.
Карпушкин Б.М. Язык ория. М., 1964.
Королёв Н.И. Язык непали. М., 1965.
Куликов Л.И. К типологии индоарийского каузатива // Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии: Материалы конференции. М., 1987.

- Оранская Т.И. Условные конструкции в языке хинди // Типология условных конструкций / Ред. В.С. Храковский. СПб., 1998.
- Оранская Т.И. Язык парья // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: В 3-х т. М., 2001, т. II (К–Р).
- Проблемы истории языков и культуры народов Индии: Сб. ст. памяти В.С. Воробьева-Десятовского. М., 1974.
- Савельева Л.В. Язык гуджарати. М., 1965.
- Смирнов Ю.А. Язык ленди. М., 1970.
- Толстая Н.И. Язык панджаби. М., 1960.
- Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание. М., 1977.
- Языки Азии и Африки. I. Индоевропейские языки: хетто-лувийские языки, армянский язык, индоарийские языки. М., 1976.
- Языки Азии и Африки. II. Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки. М., 1978.
- Языки мира: Дардские и нуристанские языки. М., 1999.
- Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М., 2004.
- Almeida M. A Description of Konkani. Panaji, 1989.
- Beames J. A Comparative Grammar of the Modern Aryan Languages of India. London, 1872–1879, vol. I–III.
- Bhaskararao P. and Karumuri V.S. (eds.) Non-nominative Subjects. 2 vol. Amsterdam, 2004.
- Bhatia T.K. Punjabi: A Cognitive-Descriptive Grammar. London; New York, 1997.
- Bloch J. L'indo-aryen du Veda aux temps modernes. Paris, 1934.
- Bloch J. Application de la cartographie à l'histoire de l'indo-aryen. Paris, 1963.
- Breton R.J.-L. Atlas of the Languages and Ethnic Communities of South Asia. Walnut Creek, CA, 1997 [Subedition: Sage Publications (CA) 1997].
- Bughio M.Q. Sociolinguistics of Sindhi: Study of Language Variation and Change in Sindhi Spoken in Sindh, Pakistan. München, 2001.
- Bykova E.M. The Bengali Language. Moscow, 1981.
- Cardona G. A Gujarati Reference Grammar, Philadelphia, 1965.
- Cardona G. and Jain D. (eds.) The Indo-Aryan Languages, London; New York, 2007.
- Chandralal D. Sinhala. Amsterdam, 2010.
- Chatterji S.K. The Origin and Development of the Bengali Language. Calcutta, 1926, pt. I–II.
- Dhongde R.V., Wali K. Marathi. Amsterdam, 2009.
- Ferguson C., Chowdhury M. The Phonemes of Bengali // Language, 1960, vol. 36.
- Fritz S. The Divehi Language: A Descriptive and Historical Grammar of the Maldivian and its Dialects. Würzburg, 2002.
- Ghai V.K. Studies in Phonetics and Phonology. New Delhi, 1991.
- Goswami G.C. An Introduction to Assamese Phonology. Poona, 1966.
- Grierson G.A. (ed.) Linguistic Survey of India. Vol. I. Part I: Introduction. Calcutta, 1927.
- Hoernle R. A Comparative Grammar of the Gaudian Languages. London, 1880.
- Kachru Y. Hindi. Amsterdam, 2006.
- Kelkar A.R. The Phonology and Morphology of Marathi: PhD Dissertation. Ithaca; New York, 1958 (Cornell University).
- Kelkar A.R. Studies in Hindi-Urdu. I: Introduction and Word Phonology. Poona, 1968.
- Masica C.P. Defining a Linguistic Area: South Asia. Chicago, 1976.
- Masica C.P. The Indo-Aryan Languages. Cambridge, 1991.
- Masica C.P. (ed.) Grammar and Semantics of Indo-Aryan Languages, Delhi, 2007.
- Modi B.V. Rethinking of “Murmur in Gujarati” // Indian Linguistics, 1986, vol. 47.
- Montaut A. A Grammar of Hindi. München, 2004.
- Neukom L., Patnaik M. A Grammar of Oriya. Zürich, 2003.
- Ohala M. Aspects of Hindi Phonology. Delhi, 1983.
- Pandey P.K. Word Accentuation in Hindi // Lingua, 1989, vol. 77.
- Pandey P.K. Developments in Indian Linguistics 1965–2005: Phonology. New Delhi, 2005.
- Pandharipande R.V. Marathi. London; New York, 1997.
- Pattanayak D.P. A Controlled Historical Reconstruction of Oriya, Assamese, Bengali and Hindi. The Hague; Paris, 1966.
- Rusakov A. The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching // Circum-Baltic languages. Vol. I: Past and Present / Ed. by Ö. Dahl and M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

-
- Singh R. et. al.* (eds.) The Yearbook of South Asian Languages and Linguistics. Berlin; New York, 1998–2006.
- Singh R. et. al.* (eds.) Annual Review of South Asian Languages and Linguistics. Berlin, 2007; 2008; 2009; 2011.
- Southworth F.C.* Linguistic Archaeology of South Asia. Oxford, 2005.
- Tessitori L.P.* Notes on the Grammar the Old Western Rajasthani with Special Reference to Apabhramṣa and to Gujarati and Marwari // Indian Antiquary, 1914–1916, 43–5.
- Turner R.L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966.
- Verma M.K., Mohanan K.P.* (eds.) Experiencer Subjects in South Asian Languages. Stanford, 1990.
- Verma M.K.* Complex Predicates in South Asian Languages. Delhi, 1993.
- Yadav R.* A Reference Grammar of Maithili. Delhi, 1996.